

Гия Поцхверия

Господи, помилуй

Авторские стихи
Перевод **Владимира Саришвили**

Издательство „**Универсал**“

Тбилиси 2008

Грузинский поэт и писатель Гия Поцхверия писал на родном языке. Однако, в его творческом наследии остались произведения написанные на русском и английском языках. В этом сборнике представлены стихи написанные Гией на русском. Возможно, по техническому исполнению они уступают переводам его стихов, но думается, их публикация позволит читателю глубже понять богатый внутренний мир этого светлого и такого незащищенного и ранимого в земной жизни человека...

Компьютерный дизайн и оформление Наны Думбадзе

© Г. Поцхверия, 2008

Издательство **“УНИВЕРСАЛ”**, 2008

Тбилиси, 0179, пр. И.Чавчавадзе №19, ☎: 22 36 09, 8(99) 17 22 30
E-mail: universal@internet.ge

ISBN 978-9941-12-338-2

ОТЕЦ О СЫНЕ

...Сын, наступил еще один май. Лучи майского солнца светят в твоём Тбилиси и, ставшем для тебя роковым, Лондоне... Все вокруг радуется, просыпается земля, ликует природа. Весна во все времена является живительной силой всего того, что создано Творцом под этим небом. Все обретает яркие, обнадеживающие цвета, просыпается, обновляется, дает импульс новой жизни, и что самое главное, словно возрождается земля. А мы разве не ее дети?!

То, что появится под этим небом весной, человек пожнет осенью...Значит, все зависит от того, что нового принесет нам наша весна, весна обновления жизни... Я все чаще вспоминаю ту историю в один из лондонских майских дней. Отчетливо помню, с каким юмором описывал ты ситуацию и, пожалуй, все больше начинаю понимать ту скрытую грусть связанную с тем, что твое душевное состояние кому-то показалось странным и ты был не понят... Впрочем, лучше по порядку о том, что рассказал ты мне тогда, в конце мая 1997 года.

«Около полудня я вышел из дому и очутился в чудесном саду перед самым домом. Погода была чудесная, в хрустальном воздухе стоял неповторимый аромат весны, казалось, все вокруг в одночасье изменилось и оживилось, что в Лондоне, на фоне осенне-зимних туманов и беспрестанных дождей, ощущается еще острее. Приветливо и ярко светящее солнце согревало, как окрестности, так и душу. По веткам весело скакали белки (наши дворовые), неистово резвились и совсем как настоящие футболисты гоняли какие-то шишечки. В парке стоял невообразимый шум от птичьего гомона. Казалось, птицы со всего света решили собраться на этом зеленом островке весеннего Лондона и обменяться последними новостями. Они изо всех сил старались перекричать друг друга и заинтересовать только своей информацией, для этого им приходилось хлопать крыльями, взмывать ввысь, стремительно приземляться, чтобы принять участие только в им понятном птичьем хороводе. Я как замороженный наблюдал за их возней, потеряв счет времени... Я от души радовался вместе с ними, щедро угощал семечками и они, словно в

знак того, что приняли меня в свою компанию, совсем перестали бояться, а самые смелые даже опускались мне на плечо.

Белки же... Белки тоже решили не спускать птичкам и прыгали вокруг меня совсем как щенята, а одна даже умудрилась вскарабкаться на колени. Со мной происходило нечто невероятное, я всей душой втянулся в этот жизнерадостный праздник братьев наших меньших и время от времени поглядывал на небо, вскидывая лицо навстречу живительным, благодатным лучам яркого весеннего солнца. Словно слившись воедино с природой, я совершенно забыл о времени. Во мне, как и вокруг меня, все ликовало. Все мое существо поглотило это необычайное зрелище и всеобщая радость и не могу сказать, как долго это продолжалось. Я (ты только не смейся) словно звенел от переполнявшего меня счастья и восторга. Было полное ощущение того, что я находился где-то там, в заповедье, где простым смертным бывать не дано... Вывел меня из состояния восторженного, неземного счастья лондонский полицейский, задав слишком земной вопрос:

- Сэр, чем вы тут занимаетесь?

Какие-то доли секунд я тупо смотрел на копа, не понимая, что ему от меня нужно.

- Сэр, чем Вы тут занимаетесь?! – повторил полицейский. – Уже несколько часов Вы стоите здесь и как мне сообщили, за чем-то наблюдаете...

Я с трудом вернулся к действительности и, ничего не понимая, принялся все же объяснять, что живу в этом доме, что я грузин, волею судеб оказавшийся в Лондоне, и видимо, пытаюсь объяснить копу, мое непонятное ему состояние, добавил, что время от времени пишу, то стихи, то рассказы. И невооруженным глазом было видно, что полицейский не разделял моего восторга и никак не мог взять в толк, что же такого необычного происходило в этот обычный день, в этом обычном лондонском дворе. О моей национальности, похоже, он также не имел ни малейшего представления и пришлось устроить ему небольшой исторический и географический экскурс по Грузии... Сначала он честно попытался меня выслушать, но вскоре поскутнел, явно мечтая, как можно быстрее оставить мою компанию. Воспользовавшись паузой в моей речи, полицейский вежливо извинился и,

сославшись на дела, торопливо удалился. Ну конечно же, он поставил меня в известность, что мое «странное поведение» напугало соседей. Еще бы! Оказалось, я радовался птичкам и белкам где-то около трех-четырёх часов.»

Представляю, сынок, каким странным показался ты соседям-англичанам, не исключено, что и слегка чокнутым. Хотя, одному Богу известно, кто в тот день был истинно странным и обделенным, ты который, так искренне радовался празднику обновленной жизни или те, кто ничего не поняв, решили вызвать стража порядка.

Ты подумал тогда, что я могу поднять тебя насмех. Клянусь, мне и в голову это не приходило ни тогда, ни тем более сейчас, когда я все чаще в мыслях возвращаюсь к этой истории, словно пытаюсь глубже открыть душевный мир своего сына, понять до кноца, чем он жил и дышал. Одно могу сказать наверняка, даже этот маленький эпизод из той твоей жизни, говорит о том, что то, что радовало и беспокоило тебя, дано не всем. И не только англичанам все это показалось весьма странным, но я не сомневаюсь, что и у подавляющего большинства твоих соотечественников была бы аналогичная реакция, разве что, полицейского бы вызывать не стали. И ничего с этим не поделаешь, таковы люди, где бы они не жили... Ведь люди по природе своей стремятся, в основном, к материальным благам и победам и им незачем задумываться о высоких материях...

В тот же мой приезд в Лондон, когда ты провожал меня в аэропорт, ты как-то скованно попросил: «Пришли, пожалуйста, бинокль дедушки времен войны и твой бинокль ночного наблюдения, мы с виконтом Бэдминтоном решили ходить на охоту». Виконт Бэдминтон, художник, архитектор, близкий друг Гии. Один из представителей английской аристократии, фамилия и герцогский титул которого известен с четырнадцатого века. Бэдминтоны служили английской короне на протяжении столетий и сегодня, старший брат виконта член Палаты Лордов Великобритании. В 2000 году виконт с супругой перешли в православие и Гия стал их крестным отцом. Дружба их насчитывает 13-14 лет.... Где-то на третий-четвертый год знакомства, Бэдминтон, оказывается, спросил Гию: «Мы знакомы почти три года и сколько тебе понадобилось времени, чтобы понять, что мы

с тобой можем подружиться?» Как рассказал Гия: «Я немного помедлил, ведь если честно, то я почти с первого момента знакомства увидел в нем друга, но на всякий случай сказал: «Месяцев через 6-7 я уже не сомневался, что наша дружба возможна.». Виконт и этому сроку откровенно удивился: « Ну и быстрые же вы кавказцы, и тем более грузины. Лично я, только недавно пришел к такому выводу». В этом весь английский характер – спокойный, уравновешенный и сдержанный....

Так вот, возвращаясь к просьбе о биноклях, я снова попался на удочку и спросил: «А что, ты уже и ружье купил?». Помнишь, как ты расхохотался? «Да ты не так меня понял. Неужели ты подумал, что я пойду на охоту убивать животных? Мы уже почти два года ходим с другом на «охоту» и наблюдаем за жизнью животных на природе.». И все же я должен тебе признаться. Ты и вправду был странным, Гия. Даже более странным, нежели я думал. Должен признаться и в том, что нередко я тебя не совсем понимал... Наверно потому, что ты был не совсем такой, как мы, не хотел жить как все, что ли. У тебя был свой, не знаю как это правильнее выразить, избранный тобой или Богом жизненный путь...

Как только ты возмужал, одно я понял почти сразу – ты никогда не стал бы госслужащим и не втянулся бы в борьбу за карьеру и продвижение по должностной лестнице. Ты избрал свой путь, путь понятный и приемлемый только для тебя. Служить своему народу, своей нации, так как подсказывало тебе сердце и этим путем, как тебе казалось, было кино... Но этот путь оказался слишком тернистым в той окутанной туманом действительности, путь, который, пожалуй, был перенасыщен многими непредсказуемыми обстоятельствами для тебя и твоих сверстников в тогдашней Грузии. Кто-то смог выжить, выстоять и оказаться на гребне волны, а ты со своим внутренним укладом не смог бы этого сделать и поэтому депрессия оказалась сильнее всего и, в первую очередь, сильнее самого тебя...

P.S. После издания на русском твоей прозы – романа и рассказов, когда книга «Хочу взглянуть на мир сверху», получила высокие отклики в московских литературных кругах (Александр Эбаноидзе – главный редактор журнала «Дружба народов»,

Владимир Войнович – выдающийся русский писатель, Вячеслав Мединцев – бывший директор крупнейшего издательства МГУ и другие представители российской интеллигенции) и была включена в действующие фонды сразу двух крупнейших библиотек России – ФГУ Российской государственной библиотеки и Национальной библиотеки имени А. Некрасова, мы с твоей подругой и переводчицей Ириной Зурабашвили решили издать на русском языке и твои стихи.

С тех пор, как тебя нет в нашей земной жизни, я особенно трепетно и тщательно подхожу ко всему тому, что касается тебя и твоего творчества. И в преддверии выхода сборника твоих стихов, я уже который раз принялся перебирать твой архив. Странно, но вдруг совершенно случайно обнаружил, что твой киносценарий «Мусор», который, я совершенно четко помню, передавал Ирине Зурабашвили при издании книги «Хочу взглянуть на мир сверху», в книгу не включена. Я сразу позвонил в Тбилиси, чтобы узнать, что же произошло и услышал в ответ, что киносценарий не включен в книгу абсолютно намеренно, потому что он «выпадал из общего контекста книги». Если честно, то меня тогда это покорило, теперь же я рад, что все так произошло. Думаю, во все это вмешались высшие силы, для того чтобы именно этот киносценарий предварял твои стихи. Я и не сомневаюсь, что этот сценарий, в какой-то мере, является отражением тебя. Ведь и ты никогда ни на одном языке при жизни не публиковал свои стихи и прятал их от самых родных тебе людей...

И только после того, как тебя не стало на этой земле вышли грузинские сборники твоих стихов, выходит русский сборник и даст Бог, выйдет и английский...

Джемал Поцхверия

ЗЕМНОЕ НЕБО

Отпевали Гию в древнем кафедральном храме Успения Божьей Матери – Сиони. На церемонии присутствовало много народа. Пришли и те, кто буквально в последнюю минуту узнал о трагедии семьи Поцхверия и просто прихожане, которые задержались в храме, увидев на отпевании католикос-патриарха Всея Грузии Святейшего и Блаженнейшего Илью Второго. Духовный сын митрополита Антония Сурожского, Гия, Божьим промыслом сподвигнутый деятельности на чужбине во благо грузинской православной церкви, заслужил это великое для каждого грузина проявление внимания патриарха – духовной силы и надежды всей верующей Грузии. Целью последних лет жизни Гии, было строительство грузинского православного храма в Лондоне, где живет немало наших соотечественников до сих пор молющихся в греческом и русском православных храмах. На первых порах Гие удалось добиться того, что в неделю раз по воскресеньям в греческом храме проводилась служба на грузинском языке и поскольку в Англии не было грузинского священника, его привозили из Бельгии. На сборы прихожан оплачивалась дорога духовного лица.

Ни одна мельчайшая деталь того печального дня – 4 апреля 2006 года не сотрется из моей памяти до конца жизни. Чтобы выдержать тяжесть прощания с близким другом, с которым не виделась 14 лет, с того дня, как, увы, оказалось, навсегда он уехал в Лондон, я встала около своего любимого образа Спаса Нерукотворного, который находится в правом приделе храма и, кажется, в первую очередь притягивает взгляд каждого вошедшего в храм. Чудодейственную силу образа Сионского Спаса Нерукотворного лично я испытала на себе не единожды и, словно ища поддержки, встала под его покров. Сколько я так простояла, не могу сказать, но вывел меня из этого состояния мужской голос. Я отрешенно взглянула на стоящего рядом очень бедно, но опрятно одетого мужчину средних лет, который, видимо, повторил свой вопрос: «Какой сегодня день?». Я, не понимая, что ему надо, с трудом вспомнила: «Четвертое апреля.». «Не число, а день, день недели!» - почему-то настойчиво требо-

вал от меня «нищий». «Вторник...Кажется...», – раздражаясь на его бесцеремонность, процедила я. Впрочем, откуда было ему знать стою ли я на панихиде друга или пришла в храм и случайно попала на чье-то отпевание. Если честно, внимание мое как-то переключилось от сжимающих сердце безысходных криков Гиной матери Лианы и не успела я подумать, к чему этому оборванцу узнавать в храме о дне недели, как он достал из нагрудного кармана потертого серого пальто какой-то небольшой сверток, стараясь не шуршать, аккуратно его развернул и в руке у него оказался карманный молитвослов в твердом, бордовом переплете. (С тех пор я и сама приобрела похожий молитвослов и уже не расстаюсь с ним, поскольку в нем помимо утренних и вечерних молитв, акафистов, последования к причащению, благодарственных молитв, есть также молитвы, которые надлежит выполнять православному христианину по дням недели и по часам суток с 6 часов утра (9ч.; 12ч.; 15ч.; 18ч.; 21ч.;) до 12 часов ночи.)

Мне стало стыдно за свой раздраженный тон перед человеком, которому, наверняка, не всегда было что покушать и не всегда где приклонить голову, но зато было желание так бережно хранить книгу со Словом Божьим, что многим, в том числе и мне, и в голову не могло прийти. Я беспомощно взглянула в сторону гроба с телом Ги, словно пытаюсь найти поддержку в ласково улыбающейся фотографии друга и опять услышав горькое рыдание Лианы, наконец, заплакала, дав волю всем своим чувствам, вызванным такой оглушительно-внезапной и несправедливой, на мой взгляд, кончиной друга. Незнакомец, услышав мои всхлипывания, оторвался от молитвы и участливо спросил: «Кто он вам?». «Друг, которого я очень долго не видела и вот, встретилась...» – давилась я слезами. «От чего умер?». «От разрыва сердца...» – ответила, думая, что услышу в ответ: «Ах, как жаль, такой молодой...». Но ничего подобного, оборванец неожиданно строго приказал: «Перестаньте сейчас же плакать! Лучше молитесь. И я буду за него молиться!» – сказал он и вполголоса начал читать молитву за раба Божия Георгия, перед этим спросив имя преставившегося... Странно, но горечь утраты, как-то улеглась, уступив место какому-то легкому све-

ту, из которого Гия словно говорил: «И слава Богу, что ты начинаешь понимать, что я здесь, я с вами...» (Поняла я это несколько позднее, когда через три –четыре месяца после того, как Гия завершил свою земную жизнь, его отец Джемал Поцхверия обратился ко мне с просьбой, перевести его роман. Рассказы мы с Гией перевели в конце восьмидеятых и самом начале девяностых, до его рокового отъезда в Лондон.).

В какой-то момент во время панихиды ко мне подошла довольно молодая женщина в глубоком трауре с тем же вопросом: «От чего он умер?» И получив ответ, обнадеживающе выдохнула: «Светлый был парень и Господь призвал его к Себе в Небесное Воинство...». Она незаметно отошла, да так, что я спохватившись через несколько минут, так и не смогла отыскать ее в храме...

Поэзия, как впрочем, и часть прозы, Гии пронизана навязчивыми размышлениями о собственной смерти, предчувствием близкой кончины и брэнности этого несправедливо устроенного земного мира. В своих стихах он как будто предсказал конец своего земного пути в весенние, хмурые, дождливые дни, которые улыбнутся солнцем только после его похорон... Невероятно, но еще в самых первых своих стихах, когда он и не выезжал за границу и не мог бы себе представить, что проживет долгих четырнадцать лет в Лондоне, он уже тогда предчувствовал, что смерть настигнет его на чужбине, вдали от родной и так трепетно любимой им Грузии и молил похоронить его только в боготворимом им Тбилиси. А живя в Лондоне, он, кажется, уже и не сомневался, где отойдет его душа:

Что-то бормочет серая Темза,
Под тусклым дождливым небом,
Лондон станет мне мачехой
И последним смертельным блеском...

Жил и творил он, в размышлениях о Жизни и Смерти, с каким-то надрывом, вынести который смог бы не каждый. Не выдержал и он. Состояние души поэта, на мой взгляд, потрясающе ощутил и передал прекрасный поэт и переводчик Владимир Саришвили.

И все же большую часть его творчества занимают размышления о Боге и Божественной Истине. И наверное поэтому, для него была так важна грузинская православная церковь в Лондоне, наверное, поэтому немало его стихов посвящены настоятелю Иверского монастыря на Афоне Георгию Святогорцу (Мтацминдели), Иверскому. И преподобный старец отошел к Богу на чужбине, обрел вечное упокоение на Святой горе.

Спустя два года после того, как Гия ушел из земной жизни, стала воплощаться его заветная мечта – в Лондоне воздвигается грузинский православный храм имени Святого Георгия, на разрешение строительства которого он потратил последние годы своей так внезапно оборвавшейся жизни. Наверное, не случайно, что сборы поступившие от продажи его книг: двухтомника прозы и поэзии на грузинском языке и «Хочу взглянуть на мир сверху» - на русском, внесли свою посильную лепту в закладку фундамента этого храма... Гия всю свою жизнь тянулся к небу, но к глубочайшему своему сожалению, я не могу сказать, знал ли он, что митрополит Трифон (в миру Борис Петрович Туркестанов), прадед (Борис Панкратьевич Туркестанишвили) которого, потомок древнего грузинского княжеского рода, приехал в Россию при Петре Первом, назвал церковь «земным небом». И на могиле одного из величайших русских подвижников с грузинскими корнями, даровавшего всему православному миру акафист «Слава Богу за все...», высечены слова: «Дети, любите храм Божий. Храм Божий – это земное небо».

И Слава Богу, что если даже не зная этого, Гия обрел это небо на земле, подготавливая почву и отдавая свои силы на создание нового храма... Храма, в котором, я не сомневаюсь, будут как и прежде молиться нашему единому Богу и грузины, и русские, и украинцы, и греки, и англичане, и осетины, и абхазы и все православные христиане. И, дай Бог, чтобы этот храм не в силах были разрушить никакие политические распри...

Ирина Зурабашвили

МУСОР

киносценарий

Фильм рассчитан для съемок на грузинском языке.

В подъезде многоэтажного дома открываются двери. Из своих квартир выходят жильцы в домашней одежде, при этом не встречаясь друг с другом. Все они с мусорными ведрами различной величины и формы, направляются к мусоропроводу, опрокидывают ведра, возвращаются в квартиры и закрывают за собой двери.

(На протяжении всего этого действия изображение людей на экране виднеется ниже пояса).

Ранняя весна, и хотя еще не прошла угрюмость тбилисской зимы, слышится оживленное щебетанье птиц.

К дому подъезжает мусороуборочный грузовик. Из его кабины спрыгивают молодой, смуглый водитель и светловолосая симпатичная девушка-мусорщица. Открывают дверь бункера и вываливают мусор, девушка принимается рыться в мусоре. Выбирает хлеб и собирает его в мешок, там же приметит разорванные в нескольких местах джинсовые брюки. И навскидку примеривая, прикладывая к себе, засунет подмышку. Затем начнет разглядывать бумаги. Пробегает наскоро текст глазами, некоторые бумажки бросает там же, а некоторые складывает и засовывает в карман. И только завершив эту процедуру, начинает грузить мусор...

Водитель оттаскивает в машину набитый хлебом мешок. Машина заводится, выезжает на главную улицу. Девушка вытаскивает из кармана листки и приступает к чтению.

(Диалог ведется на ломанном грузинском языке).

- Хоть бы грузинский как следует выучила.
- А я и так знаю. Просто у меня акцент.
- Хотя это не мешает понимать грузинские стихи.

- Я раньше и не собиралась читать стихи на грузинском, а этими аж зачиталась... Хорошо сочиняет. Я вчера и другие читала из 5-го корпуса.

- Наверное опять этот чокнутый выбросил...

- Нет, эти я в другом месте нашла... в пятом корпусе... Ой, что это он написал?! Кажется?! Надо к нему сходить...

- Дура... В постель к нему захотела? К нему?... Ха-ха-ха, да он, наверное, уже не способен...

- Да иди ты! Не за этим я к нему собралась...

- А за чем же еще... О поэзии поговорить? Ну что, останешься сегодня со мной? - водитель нахально лапает ее за грудь.

- Да отвали... Смотри на дорогу... Сашку надо забрать со школы, надо зайти... Хихикает девушка, перекладывая листочки, три - засовывает в карман, а остальные складывает в стопку.

- Отвали... Смотри вперед. Отстань, говорю! Сашка...

- Не о Сашке, а о нем сейчас думаешь! Небось его захотела, а про меня забыла... - со смехом лезет водитель теперь уже к ее ногам.

- Перестань дурачиться...

Водитель достает из-под сиденья бутылку водки...

- Глянь, что у меня есть! Ну как, останешься? Ха-ха-ха! Что, слабо отказаться? Ха-ха-ха...

- А как же с Сашкой... Меня учительница вызывала...

- Сашка и без тебя дойдет до дома, а к училке и завтра можно сбежать... Сашка твой смысленный пацан, будет из него толк... Не то что из того стихоплета...

- И какого ты к нему прицепился!

- Шизик...

- Сам ты шизик! - в сердцах отвечает девушка.

- Да ладно, не заводись, я... Ха-ха-ха! Ну попадись он мне где-нибудь...

Водитель лапает девушку за грудь.

- Останешься, а?

Девушка, хихикая, отпихивает от себя его руку.

- Да, да! Только смотри вперед.

Гогот водителя и залиvistые смешки девушки постепенно заглушает шум города.

На экране виднеется мусорная свалка. На фоне мусорных гор виднеется грузовик, рядом с которым стоят девушка, водитель и какой-то мужчина. Он протягивает водителю деньги и взамен принимает мешок с хлебом, вскидывает на плечо и неспешно удаляется.

Водитель подхватывает девушку и пытается затащить в кабину, девушка, хихикая, старается выскользнуть из его рук.

– Подожди, пошли домой, пошли к тебе.

Камера медленно удаляется от места действия. Раздается лирическая музыка, которая постепенно поглощает голоса находящихся в кабине водителя и девушки.

На экране появляется квартира, со вкусом обставленная старинной, но неухоженной мебелью. Стены обклеены некогда, видимо, красивыми, но выцветшими от времени обоями. На поднявшемся местами паркете, лак совершенно облупился. Стены увешаны картинами и фотографиями. Над роялем в углу виднеется фотография мужчины и женщины, между ними стоит маленький, улыбающийся мальчик лет 4-5. Фотография запечатлела ту же троицу спустя годы. Моложавые мужчина и женщина посередине с юношей с серьезными, печальными глазами. На фотографии выше – только эта пара, уже в старости.

А дальше портреты исполненные маслом.

Аристократичная женщина на портрете в черном платье, с белым мехом на плечах. С ее интеллигентного, светлого лица льется покой и умиротворенность...

Мужчина – изображен у письменного стола, в свободном костюме и кахетинской шапочке на голове. Он держит сигарету и тепло улыбается.

Дальше стена завешана картинами и фотографиями, на которых запечатлен юноша с друзьями. На одной из них он стоит с красивой девушкой. По стене раскиданы несколько графических рисунков лица той девушки.

На противоположной стене висят картины различного стиля и тематики исполненные маслом и акварелью. На рояле стоит фото-графия молодого человека с той же девушкой. Он ласково

улыбаясь, бережно держит на руках 2-3-летнего малыша... Здесь же – фотография улыбающегося мальчика лет двенадцати...

Посреди комнаты стоит молодой, бородатый мужчина с изрядной проседью в волосах. На нем халат поверх рубашки и потертые джинсы. По одежде узнаем в нем одного из тех жильцов, кто выкидывал мусор. Присмотревшись, узнаем молодого человека с фотографий. Это наш главный герой – Теренти. В руках он нервно теребит конверт. Выходит на кухню, которая также со вкусом обставлена старинной, но неухоженной мебелью. Открывает все четыре газовые конфорки, садится на стул и там же рядом кладет конверт. Вдруг он вскакивает, выключает газ, открывает окна и бормочет: "Проголодался, вот перекушу и потом..." Разбивает яйца в сковороду, берет из хлебницы черствый хлеб и с аппетитом уплетает яичницу. Покушав, моет тарелку, ставит сковороду на плиту, садится на тот же стул и закуривает сигарету. Через некоторое время бросает напряженный взгляд на плиту, встает, закрывает окна, тушит сигарету, открывает одну конфорку, собирается открыть следующую, но в это время раздается звонок в дверь. Некоторое время он стоит в замешательстве, не зная что предпринять. В дверь звонят беспрерывно, он выключает газ и направляется к дверям.

В прихожую врывается молодой, модно одетый мужчина, расцеловывает Теренти и спешно направляется в кухню. Достает из спортивной сумки пиво, сосиски, сыр, хлеб. В нем мы узнаем одного из друзей Теренти, запечатленных на фотографии.

- Уф... Жрать охота... Чешского пивка отхватил и свежих сосисок... Фу! Что это газом так воняет?

- Амиран, знаешь...

- Пока не знаю... Дай кастрюлю... Да не эту...Что-нибудь случилось?

- Нет... Ты где пропал?

Амиран наполняет кастрюлю водой.

- Об этом потом... Зажги газ... В скором времени мы с тобой станем известными людьми... Что за вонь, открой окна...

Ставит кастрюлю с водой на газ и прибавляет огонь. Теренти выходит в лоджию, открывает окна и возвращается.

- Ты великий поэт, а я "друг поэта"... Сколько съешь?..

- Две, я только пообедал...

- Да... В тот день, когда я ушел от тебя...

Берет сосиски и опускает их в воду.

- Так вот, был я у своего тестя, ну знаешь... Отламывает себе хлеб с сыром и принимается за еду.

- Тыфу, даже раздеться не сообразил!.. Снимает куртку и вешает ее там же на стуле.

- Там я познакомился с главным редактором "Голубых Рогов" Тицианом Надирадзе.

- Какой Надирадзе...

- Забыл уже, кретин!.. Да, да, тот самый Надирадзе!.. Открой пиво... Ну чего ты возишься... Так ты же не знал, что его назначили главным редактором. Оба прикладываются к бутылкам и, не переводя дыхания, опорожняют их.

- Уф, кайф... Я прочел ему твои стихи. На память, конечно... то что запомнил... Понравилась. Сказал, что прекрасно... А на другой день пригласил меня в Тианети на охоту... Гм... Сейчас приехали... Это судьба... Я читал то, что запомнил. Еще бы, записывать не даешь, показать нужным людям не даешь! И вообще, ведешь себя так, как будто боишься, что я их присвою... Короче, ему очень понравилось... Достаточно, сказал, и этого, чтобы войти в антологию грузинской поэзии...

- Да уж, прямо в антологию...

- Да, да... Сказал, что после Галактиона, он не встречал ничего подобного... Правда, посетовал, что они немного меланхоличные. Но это не самое страшное!

Все это время он с аппетитом уплетает сыр с хлебом и поэтому рассказывает урывками. Время от времени Амиран и Теренти с наслаждением прикладываются к бутылкам...

- Прикинь, обошел все редакции.

- Давай тарелки, кажется готов... Эти отставь туда, дай одну большую... Какая "га-а-а-дось"...

- Что ты сказал?

Амиран со вкусом откусывает сосиску.

- Обошел все...

– Сейчас, братан, другие времена, меняется все со скоростью звука. Жри, чего ты на меня уставился... Раз Тициана Надирадзе назначили...О чем еще можно говорить... Ешь...

– Не дури...

– Я все беру на себя. Он сказал,разве что бездари не проникнутся такой поэзией... Тициан Надирадзе на этом деле собаку съел... Его-то уж... Сказал, что в лице Теренти Яшвили появилось новое светило... При этом он аппетитно уплетает сосиски.

– Нет... Послушай... Хотя последнее время меня только ты и слушаешь, остальным уже осточертело...

– Да ладно, тебе... Открой-ка...

– Не получится...Нет ничего... Два года назад, в годовщину Нинико я выбросил... Все выбросил...

Протягивает пиво. Амиран механически отхлебывает.

Теренти продолжает.

...А потом я читал тебе свои стихи и выбрасывал в мусор... Тем временем Амиран прикуривает сигарету и ошарашенно смотрит на Теренти.

– Что-о?! Ты что свихнулся?! Выбросил... надоело... Спрятался в норку... Да за все эти три года ты раза три и выходил из дому... Сидишь, пьешь, пьешь... Или же спишь. «Надоел, осточертел...» – передразнивает он Теренти. – Да благодаря пацанам твоя душа в теле держится... Да погляди на себя, на кого ты стал похож... Опустился, дальше некуда... Кому ты был нужен, кроме них... Надоел он им, видите ли... Да если бы не они, интересно, на что бы ты жил, без работы. Давно бы уже распродал все и сдох бы с голоду. Моя зарплата, сам знаешь, жалкие гроши... Сижу на шее жены и пишу "диссертацию"... И много я тебе помогу за счет репетиторства моей Тамрико? Разве что сосиски с пивом иногда подкину... Так кто же еще тебе помогает, если не они?! Деньги кто тебе дает...

– Не в деньгах же...

– Да я не об этом. Некогда людям! Тебя им слушать или вкалывать? На что живешь, на что... Ведь сказал же тебе Гоги: Мы-то верим, но ты опубликуй и заставь поверить других!» Не их же вина, что редакторами не работают?.. Я не имею в виду

того падлу Лео... Нет у них времени с тобой лясы точить... Я вон от звонка до звонка на работе сижу, и то...А они то там, то здесь... Производство, строительство, то, другое... Не так уж легко все это им дается... Зря что ли я все время одно и то же тебе вдалбливаю... Ладно, нет проблем. Кое-что я помню наизусть, кое-что сам вспомнишь, напишешь еще... Я все ему объясню, поймет... Дай нормальную пепельницу...

Теренти встает и берет со шкафа большую старинную пепельницу.

- Ты как вчера родился! После такого, в лучшем случае, примет нас за аферистов, в худшем же – за чокнутых... Иди потом доказывай, что не верблюд!..

- Нет, нет.

- Что нет? Он в своей жизни такого навидался!.. А ты, может, и дальше собираешься влачить всю жизнь свое жалкое существование?!

- Заладил, как ребенок...

- Я или ты?! Поехал, взбунтовал семью, обидел руководителя, заведующий отделом до сих пор нос воротит... Или, думаешь, я в прятки с медведями поехал играть? Ты бы хоть память покойных родителей, память Нино почтил. Сын уже третий год у дяди твоего живет, вырос уже. Не пора ли его домой привезти?!

- Нет, не могу...

- Как бы я тебе сейчас врезал... Тьфу! И так мерзляк, чуть совсем не оконченел из-за этого кретина...

В кухне наступает тишина, нарушаемая оглушительным гудением старого холодильника. Теренти сидит, понурился, Амиран испуганно бурчит ему взглядом.

В дверях раздается звонок. Амиран стремительно встает, задев рукой бутылку с пивом и, успев подхватить ее чуть ли не на лету, направляется в прихожую.

В дверях стоит девушка-мусорщица, она в найденных в мусоре джинсах. Порванные места старательно заштопаны...

- Т.Яшвили здесь живет?

- Д-да.

- Это вы?

- Н-нет. Теренти!

- Здравствуйте, я находила ваши стихи. Они мне так понравились, что я дала почитать моему соседу-лектору. Ему тоже понравилось... Спрашивал, чьи это стихи... Но я и сама не знала... И даже если бы знала, думаю, вы бы не были в восторге... А вчера я прочла вот это... -она достает из кармана три скомканных тетрадных листка... – Не надо, не делайте этого... Здесь ваша фамилия и...

Амиран вырывает у девушки листки. Читает, комкает и швыряет в лицо Теренти. Несется на кухню, разрывает конверт, читает, понуро возвращается обратно и легонько бодает головой в грудь Теренти...

- Ты что, совсем спятил... Ты хоть обо мне, о пацанах подумал?.. А ребенок в чем провинился... На всю жизнь остаться сыном самоубийцы...

Девушка безмолвно наблюдает за происходящим, затем спохватившись, роется в сумке, достает обернутый в целлофан сверток и протягивает друзьям... Звучит та же лирическая мелодия, только уже с нарастающим мажором.

- Вот, здесь... Я не знаю, может пригодится... Берите, берите... Если нужно... Голос девушки постепенно заглушают звуки музыки, она, улыбаясь, протягивает им руки...

Музыка все нарастает, постепенно поглощая все голоса и шумы. Лица Теренти и Амирана охватывает несказанная радость.

На экране появляется такси, двери открываются, из такси торопливо выпрыгивают Амиран, Теренти и девушка и бегом направляются к подъезду.

- Я бы и не представила себе, что он подменит... Вчера была у него... Попросила завернуть... Бессовестный... Заладил: « В постель к нему захотела...»

Амиран неистово хватает водителя за грудки и трясет его со всей силой...

- Куда ты их дел... Куда дел, твою... Куда выкинул... - размахивается и наносит ему удар в лицо.- Куда дел!..

- Откуда я знал, что это так нужно... Думал, никому не нужный мусор и хотел подшутить над Кларой...

Амиран опять бьет его по лицу...

– Я, приблизительно помню куда выбросил... Прочел и...
На помойке они...

Мусорная свалка. Амиран, девушка и водитель старательно роются в мусоре. Время от времени Амиран сжимает кулаки, угрожая водителю. Теренти потерянно смотрит по сторонам.

– Да я тебя здесь же урою, если не найду... Убью, гада!.. -
Амиран руками ожесточенно разгребает мусор.

- Может мусором завалили? Эй, ты!!!

- Нет, нет, где-то здесь должны быть. Я прочел и бросил сюда.

- Сюда больше не сбрасывают. Последним сегодня сюда он сбросил... В другое место уже вывозят... В печи сжигают...
Говорят, гигиеничнее... Недавно ее построили.

– Тьфу, ты...

Звучит лирическая мелодия, кадр медленно отходит назад. Все, кроме Теренти, роются в мусоре. Затем наклоняется и Теренти, берет какую-то палку и энергично принимается разгребать мусор. На этом кадр застывает и начинаются титры.

Конец

Примечание для русского читателя

* Теренти Яшвили. – Автор этим именем и фамилией хочет вызвать ассоциацию у зрителя с трагически ушедшими из жизни поэтами, Теренти Гранели и Паоло Яшвили.

**Тициан Надирадзе – ассоциацию с Колау Надирадзе - единственным уцелевшим после репрессий поэтом, члена литературного кружка "Голубые Роги".

Тициан Табидзе, Паоло Яшвили были лидерами голуборовцев. После самоубийства Паоло Яшвили, Тициан Табидзе был репрессирован и погиб в коммунистических застенках.

Перевод
Ирины Зурабашвили

Авторские стихи

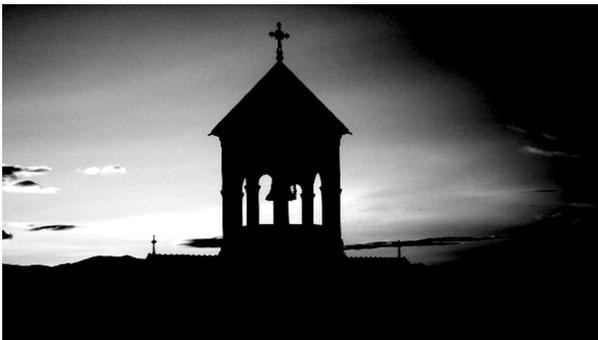
ГОСПОДИ, ПОМИЛУЙ...

Как больно, Господи, как больно
От предательства близких друзей...
От тех , от кого просто и
Не ожидаешь подлых новостей.

Двинуться не дают черти, обступили
Как иуды все отступили.
Господи, неужели и Ты от меня отвернулся?
Моих мук облегчить содрогнулся?

Нет больше мочи и силы
От обманов и гнусных интриг,
От дьявольских игрищ без правил
Лишь горестно сердце щемит.

Господи, помилуй, помоги,
Покажи мне истины смысл.
Господи, спаси и прогони
Клеймом жгущую мучительную мысль.

ДАЙ БОГ

Ну что ж, спасибо, милый друг.
Закончим на этом, не начиная.
Никто, ничто не в силах изменить.
Я и не хочу.
И помощь мне не нужна никакая...

Не пытайтесь меня понять,
К тому же,
Я не позволю никому встревать.
От задуманного я не отступлюсь
И непременно развязки добьюсь...
Всем другим же пожелаю радости
Безмятежной,счастливой жизни
И спокойствия без стенания.
Да и вам, родная, желаю счастья,
Дай Бог, чтоб забылись все ваши страдания.

ТРЕЗВОЕ ПИВО

Укромное место. Английский паб.
И неразбавленное пиво.
Двое пьяниц-бедолаг заливают тоску
И бормочут неторопливо.

Ну что, дружок? Как дела?
Не изменилось ли в жизни что-то?
Вот, пропустим еще пивка
И хоть отмутузим кого-то!

Блин, чуть не забыл! Это же Лондон!
Здесь так нельзя! Не поймут!..
Чего доброго, копы загребут,
А в полиции, глядишь, и по мордасам надают.

КАК БОЛЬНО, ГОСПОДИ!

Как больно, Господи, как больно,
За убитых, искалеченных друзей,
Ох, как больно и тяжело на душе,
От мысли, на что я способен
И не может быть мести страшней...

Как больно, Господи, как больно,
За проклятые войны в душе и везде,
За продажность якобы друзей,
За любовь – продажную суку,
За бездну дьявольских страстей...

О МНОГОМ...

Да что ты так убиваешься,
Друг предал, кругом не верят,
Они же Христа распяли,
Станут тебя лелеять!..

Давай, уж лучше выпьем,
Глядишь, узрим в чем спасенье,
А может, Господь пошлет нам
За наши грехи спасенье ?

Как знать, кирнем и вдохнем,
Вечной Любви мгновение.
Вот если б еще чудесный, белый конь,
Мчасьий нас в райские селения?

А ОН на белом осле въехал в Иерусалим...

ЖИЗНЬ САМА РЕШИТ

1. Вы хотите напиться,
Залить свое горе и любовь?
Но не ждите избавления,
Только зря взбурлите кровь!

2. Господа, стреляться не надо.
Самоубийство не выход.
Жизнь сама все решает в итоге
И приносит желанный исход.

3. Может и вас, как в старину,
Убьют на дуэли кровавой...
А скорей, исподтишка, сзади,
Как во все времена... Или кирпич свалится сверху...

4. А вообще, все залечивается,
Так что, переживете и этот удар.
Ну кому из поэтов везло в любви?
Да забудь ты ее! Эту тварь!

МАЧЕХА – ЖИЗНЬ

Не хочу я больше н-и-ч-е-г-о!
Устал давно от в-с-е-г-о!
От грязных сплетен, пересудов, суеты.
Я слишком слаб для земной маеты.

Что-то бормочет серая Темза,
Под тусклым дождливым небом,
Лондон станет мне мачехой
И последним смертельным блеском...

Дырявые души хохочат,
Застали врасплох меня, лоха!
Упиваются несчастьями других
И ничуть не боятся Бога!...

Если бы спрятаться где-то,
От гнилого болота отойти...
Но тело давно истрепалось,
Хоть бы душу удалось спасти.

НЕОСТЫВШЕЕ ТЕПЛО

-Здравствуй, дружище,
Как дела?..
Мы с тобой
Не виделись давно...
- А может пропустим по одной?
Вспомним старое,
Все зло...
И главное, добро...
- Давай, наливай.
Что с волосами?
Жена что ли
Выдернула
С корнями?...
- Да нет, я развелся,
Да два года уже...
В Мадрид укатила,
Отдыхает в неглиже...
- С кем-то из знакомых?
Нахмурился я.
- Нет. Испанец.
Петух заморский...
- ...
- А помнишь Валю?
Тебя что любила?
Вышла она замуж
За замминистра...
Богато живет,
Тебя вспоминает.
Путану больше
Не напоминает...
И в церковь ходит
И свечки Богу ставит,
За тебя дорогого
Тосты поднимает.
А счастливый замминистр
Тачки ей покупает,

Кажется, и о тебе,
Он кое-что подозревает.
Даже при встрече с тобой
Дружить обещает...

- На ...

- Дать телефончик?

На денек приезжают.

И гостиницу знаю,

- Вперед!

Не промажешь...

- ?!

- А может, московский

Адресок подкинуть?

Пару слов черкнешь,

Обрадуешь, телку.

Приедешь,

Встретитесь,

Встряхнетесь...

- Ну нет, уволь.

Пусть все так и будет.

Пусть красиво останусь

В ее воспоминаниях...

Не стоит душу ворошить,

Прошное,

Как сказку,

Уже не вернуть...

- Ну я побежал,

Скоро самолет...

Рад был встретиться!

Как тепло иногда

На душе,

Когда юность всплывает...

Встретились, вспомнили

И разбежались.

А тепло на душе разлилось.

Юности тепло не остывает...

КЛЕЙМО ЛЮБВИ

Прошу, не надо,
Не судите, люди!
Я ведь зла не сделал никому.
А добро... если всем не досталось,
Простите, видно, сил не хватило к тому

И, пожалуйста, вы, Ваша светлость,
Не давите так больше мозоль,
Ведь, я, кажется, к вам привязался,
И готов стать покорным рабом.

Хоть хожу я всю жизнь как в дурмане,
И танцую в мыслях с другой,
Ведь тоска – моя нераздельная спутница,
Вас подставила вместо Той...

И ваш образ, срисованный с той,
Еще больше сгущает печаль,
Да и вы, как кораблик проклятой мечты,
Только все уплываете в даль.

Прошу, не надо,
Не судите, люди!
Я ведь зла не сделал никому.
А добро... если всем не досталось,
Простите, видно сил не хватило к тому.

Ну вот, сударыня,
...и вас обидел!
Прошу, не держите зла на меня.
Я ведь с тоски и все пытаюсь понять,
Как сносит эту пустоту земля...

Не уходите... Не надо торопиться!
На улице, как и в душе темно...
А может нам еще раз попытаться
Стереть с души тоскливое клеймо?..

ЗАБАВА ДЛЯ ДРУГИХ

Я устал от наглого обмана.
Ведь я вас ни капли не люблю
И при встречах, нервы на пределе
Да в муках встречаю зарю...

Мы друг другу давно надоели,
Как ни горько в этом признаться.
А любовь наша... Ведь это же пытка,
Что позволяет другим забавляться...

ПОЖЕЛАНИЕ

Берегите наши воспоминания,
Это все, что осталось от нас...
Ну, а если очень соскучитесь,
Можете представить мой фас.

Я, кажется, уже понимаю,
Почему мы расстались врагами.
Испугались сильного чувства,
Увенчавшегося бы брачными цепями?

И с чего вы думали,
Что «любить» я должен сильнее?
Ну что ж, ничего не поделаешь,
Желаю встретить, кто послабее...

ФАРС

Стадо баранов
Тупо мычит,
Для кого-то и это
Прилично звучит.
Если никчемный
В ком-то отклик найдет,
То для безмозглых
Он звездой взойдет!
Подать кретина,
Конечно же, можно,
Хоть все понимают,
Как это пошло!
И ты, бездарность,
Лелеешь надежду,
Что верно подстроившись,
Одержишь победу.
Ну что ж, давай!
Хватайся за гуж,
Ведь знаешь, подлец,
Что сорвешь
Свой КУШ!

ОБЕЩАНИЕ СЕБЕ

Виноват, виноват...
Я дурак!
До чего ж я глупый чувак!
Все!
Не возьму я больше стакан!
А то смотрюсь,
Как последний болван...

ПРЕДВЕСТНИК СМЕРТИ

Я умру,
Я умру,
Вы сейчас, даже
Не представляете себе это,
И поэтому поздно поймете
ЭТО.
Но запомните навсегда:
Для меня вы –
Ярче солнечного света.

А потом меня похоронят
Под грузинской песни плач...
Друзья мои будут горько горевать.
О кончине моей весть распускать.

Слух о смерти моей,
Потрясет очень многих,
Но до вас, увы,
Дойдет позже всех...

ЖИЗНЬ – СУЕТА

Ох, как низко, как низко,
Я пал.
Опустился до уровня их,
Но обида затмила мне разум,
Вызвала в мозгах сдвиг.
Бурлит и изводит злоба...
Еще бы!
Ведь там не смогли загрызть
Дикие волки,
А тут поймали двуногие твари
И терзают подлые подонки.
Но больнее всего от мысли,
Что жизнь на земле оказалось, -
С-У-Е-Т-А...
И это обнаружилось тогда,
Когда становлюсь ровесником
Р-а-с-п-я-т-о-г-о ХРИСТА!!!

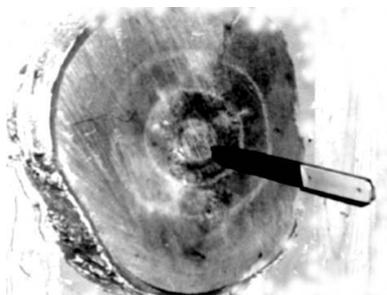
ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

Не бывает бессмертья со злобой,
Оно ведь чисто, как утренняя роса.
Приходит как мечта, как молитва...
И исчезает в пучине греха...

Вы ошибаетесь, дорогая,
Принц всегда одинок, хоть и вежлив.
Постарел он душой и бредит,
Мечь в голове держит...

Вы ж читали «Последний выстрел»,
Я тоже готов на это,
Но не в портрет, как в рассказе,
А в дружков своих бывших...

Но этот же выстрел убьет
И самого принца, негодяя...
Желательно, вам при этом не присутствовать,
Муторно будет, а может и больно, родная...

ПЬЕДЕСТАЛ

Я готов оставаться последним
На этой земле навсегда!
Я готов оставаться последним,
Уступив вам первенство, на года!

И не думайте, что я струсил...
Не надо меня приземлять...
Ненавижу плестись за другими!
И не буду в хвосте хиять!

...А когда впереди аврал?!
Неужели неинтересно, кто и кем стал?...
Потому и уступаю вам пьедестал,
Чтоб посмотреть, кто ж там на виду встал?

Не подумайте, что я не гордый!
И амбиций во мне пруд пруди...
Просто цель, для чего я создан,
Творить свет для глаз и души... Пока позади.

А потому ко всем одна просьба:
Не вздумайте меня в пятки толкать,
Не дышите в затылок, бляди!
Не то... Накроется, вашу мать!..

Не хочу телепаться в середке
Середняк пострашней, чем Пилат!
Впереди должен быть достойный,
Вот кому не жаль уступить ...

Чепухой назовете все это...
Возомнив, что мир - сплошной пир.
Но кто же на этом пиру?! – Осмотритесь!!!
Это ж те , кто грызется вдрызг
За земной, пустой пьедестал!

*Переводы неизвестного
переводчика*

Се – крет
Это то,
Что все знают,
Молчат,
Потом один
Кретин
Скажет.
Все подумают,
Что он – кретин,
А это
Уже новый секрет.

Зима 86-87 г.

Гербовой бумаги
лист
Бледен, даже
если чист,
Есть болезненность
вины
В осквернении
белизны.

29 июня 1989 г.

ПОД ЗНАКОМ ЛЬВА И ВЕСОВ

Лицо угасает.
И смерть твоя тупеет,
когда встречает взгляд,
словно золотую пантеру.
А тело, будто лучи
в ладонях золотистые,
пространство раздирает,
словно небо из бумаги.

Ты падаешь, и сквозняк.
над нами черный, свистящий
перелистывает страницы
магических совпадений.
Там есть наивная мудрость,
там храм стоит самый высокий, сквозь него
денно и ночью плывет к нам вода...

Г.

Ты сгорбленный не будешь,
словно спрятан в орехе.
Но кулак заостенее в судороге.
Весны нет. Есть подавленный Тбилиси
и разрезанные улицы Содома.

Вместо людей - только свечи на площади.
На их горлах - кованые следы.
И кто живой - придет сюда на прощу.
И тот, кто мертвый, вымолвит: "Суди".

Дато, Лиана, Автандил и Гия.
Кто молится о вас в пустом небе?
А душу выпивает ностальгия,
и висит над городом
смерти тень постыдная.

Я плачу глухо, как будто из-под земли
кто-то зовет спасенное дитя,
и карие глаза убитой жизни
еще смотрят и смотрят из-под глины...

Настала ледяная ночь, будто камень из мрамора
скатился с неба, от холода продрог.
И темная птица, и точенные брови
над жаждущими глазами - солнца знак.

Знак месяца - в половине дыни.
И знак любви - улыбка, которая горчит.
И отсутствующий угасший знак гордыни.
И знак души - рука твоя напротив.

Ты тянешься ко мне, будто забыть хочешь
этот бешеный сквозняк в раскрытых венах.
И слышится смешок клоуна в наших ушах,
и сто перстов указывают на меня...

Жизнь, словно череп свой, разбей –
не исчезнешь, и не измельчаешь.
Ты выпиваешь целый дождь! -
и не хмелеешь, не хмелеешь...

Я будто тень твоих зрачков,
отпечаток твоего следа.
А страх не сходит с человеческих лиц.
А страх спросит строго.

Где судьба твоя? Где тропинки -
фатальные лабиринты...
Там, будто проклятый, один ты
окаменел, как тяжкий грех...

Человечья толчея клубится.
Сумасшедший рой античастиц.
Все чужое, все куда-то мчится.
В будни нет безумию границ.

Сотни ног впиваются в асфальт,
Сотни рук впиваются в свое.
Мне звучит бессмертный светлый альт.
Неизвестный голос мне поет

Кожа черная ребристых шин
И тюремные решетки между фар,
Взрывы выхлопов - как взрывы мин,
Ядовитых испарении жар

Все смешалось, только плачет альт
И смеется милое дитя.
Холодно блестит на солнце сталь,
Возвышаясь, падая, катясь.

Той глубины,
Что вдруг открылась,
Не хватит
Для падения
Вниз.
А над утесом
Веет бриз
И шепчет:
Мысль не повторилась
Остановился пульс
Виска
И птица над туманом
Реет.
А солнце
Не взошло, но греет
И будет согревать
Века.

Снежные равнины
В холоде раздумий,
Вьюгою ранимы
Тоны полнолуний.

В черной тишине
Освещен мой путь.
Мысль - блик в вине.
(Выпить ли, плеснуть?)

Губы осязают
Горечь темноты, -
Лед в бокале тает
И блестит в цветы.

Сердцем овладела
Белизна снегов,
Пело песню смело...
И, под стук подков

Конь унесся вдаль...
Так непостижимо...
В стремених печаль
Прозвучала зримо

Но осталось поле
Полно белизны –
Вольная неволя
В чреве тишины.

И в природе строк,
В чистоте берез
Вижу я свой рок,
Цвет березных слез.

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Колокола вечерние меня
Пробудят к жизни, вновь лишат покоя,
Монах Георгий, как всегда, тепло,
Разделит одиночество со мною.

И вновь моя исколотая скорбь
Его святым молитвам тихо внемлет,
Покаюсь, сердце старцу распахну,
Грехи отпустит он, свечу затеплит.

Присядет рядом, осенит крестом,
Утешит и прошепчет: «Боже, Спасе...»,
И грешника надеждой озарит,
И дни моих мучений лаской скрасит.

Седой как лунь, познавший бездну тайн,
Он начертает мне четверостишье.
Вечерний звон из Картли слышим мы,
Вечерний звон родной земли мы слышим.

Я СКОРО...

Я должен уйти, все по счёту долги заплатив,
Печалей и радостей, искусов и прегрешений,
Печальную душу очистив, до дна отбелив,
Тогда лишь я к грешникам-братьям вступлю в
ополченье.

Люблю я дождливую осень, раздумий казну;
Молчания тяжесть в шептаньи надгробий заплачет...
Спасибо за ласку. Я скоро меж вами усну.
Мне дела нет, братья, до слухов – пускай
посудачат...

ПРОЗОЙ

Вы слышали в кладбищенской тиши,
Как души шепчутся среди надгробий,
Приветствуя живых, застывших в скорби,
Вы слышали в кладбищенской тиши...

Как благостно для них, когда придёт
Хоть кто-нибудь на тризну, и зажжёт
Свечу, и на помин нальёт вина
И осушит до самого до дна.

ТВОЕ ВРЕМЯ

Вперёд, юнец, вперёд! Теперь ты лидер,
Теперь тебе пора на пьедестал,
Никто назад вернувшихся не видел,
И шанс у вас – всего один из ста.

Вы можете, конечно, отказаться,
Настаивать не смею. Выбор ваш,
Без друга трудно в дальний путь пускаться,
Где сам себе охотник ты и страж.

Не беспокойтесь. Я готов. Бессчётно
Лет впереди. Позвольте письмецо...
А впрочем, нет. Ведь я вернусь, бесспорно,
Успеется потом, в конце концов.

ДОРОГА В АД

Следишь украдкой – дуясь и смеясь –
Ну как он там – не слишком ли обижен,
Меня с ума ты сводишь. Отродясь
Не видел я таких кудряшек рыжих.

Полна лукавства, хитрости, измен,
Меня ты обессилела, плутовка,
Яд подлых сплетен, яд крикливых сцен...
Постель и валидол – одна концовка.

Я эти губки, сжатые подчас
В упрёке – знай – другим не уступаю!
Не дай мне стать убийцей. Тышу раз
Молю – не заслони дорогу к раю...

ИСКУС

Минорные мелодии в кафе,
А за окном всё моросит нелепо.
И так легко в раздумьях потонуть...
По-братски, внемли грустным нотам неба...

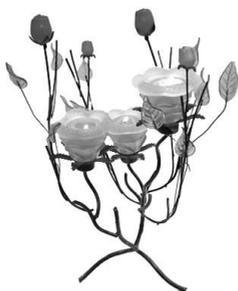
Вот девушка впорхнула. В щёку – чмок
Меня, присела, заказала виски,
Я сердцем к ней тянусь, но не пойму –
Любовь ли это, или просто иску?

Играют самбу медленно. Она
Желает танцевать, мне руку греет,
Всё ясно с вами. Я томлюсь, бешусь,
Хочу уйти отсюда поскорее.

На улицу. За угол завернуть,
Где голубки слетают дружно с крыши,
Воркуют, не боясь меня ничуть...
Плач девушки мне издали не слышен...

Я ПРИДУ

Всех в сердце поселю, кто мне любим,
Дворец построю с валом крепостным,
Все комнаты украшу я цветами,
Увью балконы радости ростками,
Поставлю свечи я по всем углам,
Пусть гимн любви поют здесь вечно птицы,
Морщины тяжких лет разглажу вам,
Мостов мечтаний пусть лазурь искрится...
И как бы ни был я далёк от вас,
Исполню обещанье в нужный час,
Приду ко всем, по ком душа томится...

СОН

По дороге шла девочка в белом платье,
Одна, совсем одна, но без тени страха.

- А если ты встретишь чудовище, не струсилась? -
спросил я.

- Нет, - отвечает.

- Ты защитишь меня, рыцарь,
Ты ведь рыцарь,
Я не ошиблась?

И я устыдился.

- А как же, а как же, - закивал я,
позором охвачен. Меня, усталого,
Старого попрошайку, приняли за рыцаря.
Смотрю – на мне старинный шлем с забралом.
И тут я стусевался – нет, не выдержу...

За руку меня берёт она. - Пойдём,
Пойдём туда, одна я не решусь,
Ведь там сплошная тьма...

Я шаг ступил, другой,
Ломило тело,
Трещали кости.
Нет, никогда чудовищ я не страшился,
Я и теперь их не боюсь. Но... если,
Если явится оно, такое неуклюжее и одряхлев-
шее,
Как защитить мне девочку?
Она же на меня надеется.
Напрасная надежда...

Я понял – надо что-то предпринять,
Чтобы остановить её, и поэтому
Проснулся!..

P.S.

До свидания, девочка, до следующего сновиде-
ния,
Постараюсь до этого немного набрать форму,
Прости меня...

ЗА ЧТО

Куда исчезла та мечта,
Кто обронил её?
Друзья моего детства,
Где же вы прячетесь?

Помните, как мы с открытым забралом
Бились за родины, веры бессмертие,
Что ж, горемычных, нас испугало,
Иль нас унизить могло милосердие?

Часто я слышу от вас – ждём, соскучились,
Но для чего я приеду? Постреливать?
Драться за жирный кусок, чтобы пучились
Сытые брюшка? Интриги затеивать?

Нет уж, развяжем войну настоящую,
Кровь проливать – так за веру, отечество,
Предков язык...
И да будет скорбящая
Нам Богоматерь заступницей вечною.

ИЗГНАННИК

Тоска охватит
По родному дому
Пропащего изгнанника,
Тоска...
И снова померещится
Икона,
Там, в спальне,
У дверного косяка...

Ты вспомнишь кавардак,
Друзей галдящих,
А после скажешь –
Так я постарел,
Что и врагов нет рядом
Настоящих...
Тоска, тоска,
Изгнание, предел...

ХАНДРА

Чего им надо, хоть узнать бы, что ли...
Встречают, улыбаются, целуют...
И сердце застывает. Хоть бы знать...
Не лучше ли плестись тихонько с ношей,
И никому доказывать не надо,
И ничего доказывать не надо,
И не на кого больше мне пенять.

ХРАНИ ВАС БОГ!

Я немощную руку
Поднимаю,
Приветствую,
Ласкаю,
Обнимаю.
Как, вопреки всему,
Хотел бы знать я,
Вы выжили,
Друзья мои и братья...
В юдоли сей
Никто из вас не лишний,
Да сохранит вас милостью
Всевышний!

НОРА

(посв. Графу П-с)

Я в норе,
Я в глубокой норе,
Здесь я спрятался-а...
Море я переплыл,
И закрыл я глаза,
Так откройтесь же мне,
Небеса-а!

Путь мой благословили
Молитвы друзей,
Может, где-то найду я
Озёра мечтаний...

Мысли съёжились. Стонет
Гитара моя,
Это песня отчаянья,
Песня страданий.

Я в норе,
Я в глубокой норе,
Здесь я спрятался-а...

ИЛЛЮЗИЯ

Хоть бы взглянула...
Я вновь помешался?!
В тучах серебряных
Лик твой мелькает.

Кто меня ждёт?
Никому я не нужен...
Я помешался?
Бес его знает?

И вновь та старая, усталая осина,
И вновь мечтания, надежды через
край...
И вновь иллюзии, фантазии пустые...
Эх, я люблю тебя. Но в путь пора.
Прощай.

БЕЗЫСХОДНОСТЬ

Как невыносимо одиночество,
Как я безысходно одинок,
Как невыносимо зябнуть в не'чете,
Но я в вечном нечете томлюсь...

Как мне без тебя невыносимо,
Но живу на свете без тебя,
Как невыносимо жить без брата,
Но живу на свете без него.

Душе цена копейка, если ты
Не можешь распахнуть её другому,
И сердцу грош цена, когда его
Огонь горит впустую, одиноко...

Душа одинока, душа нераспахнута,
И сердце горит одиноким огнём.
Как я одинок, одинок, одинок...
Друзей на свете много у меня,
И любим мы друг друга непритворно,
Но не поймут они меня по жизни,
Нет, не поймут.

Ни мать с отцом, ни брат,
Ни друг, ни ты...
Но если не поймёте вы меня,
Тогда зачем я в мире существую?!?!?!?

ПЯТЬ ГАДАЛОК

Пять гадалок, пять тёток дородных
Раскинули дам, королей благородных
И предупреждают: того опасайся,
И этого бойся, он точит кинжал.
А этот подставит тебя – и пропал.
А этот тебя отмутузит,
Будь осторожней,
Не строй иллюзий...

Здесь ты проиграешь,
А там тебя изваляют в грязи,
Берегись, ведь не знаешь –
Где в тузы, а где будут тузить,
И не спутай лужу с джакузи,
Будь осторожней,
Не строй иллюзий.

- Жизнь твоя висит на волоске,-
Сокрушаются,- сорвётся скоро,-
Вглядываясь в горе и тоске
В сердце мне за дошлым разговором.

И в лицо мне прямо говорят:
- Да, опасность есть, будь осторожен,
Но не бойся, но не бойся, брат,
Ведь иной конец и невозможен.

На прощанье – Бог тебя храни,-
Скажут, и на сердце легче станет,
И на все оставшиеся дни
Смерти страх меня теперь оставит.

ПРОЩАНИЕ

Теперь, когда стала моей ты,
И будешь моей навсегда,
Иди – не нужна ты мне больше,
Исчезни теперь без следа.

Но... повремени на минутку,
Скажи, где тебя мне найти,
Когда ты приедешь в мой город?
А впрочем, не нужно. Иди.

Иди, не люблю тебя больше,
Ты мне омерзительна. Дверь
Закрой поплотней. Как глупа ты,
И как недоступна теперь...

Я

Томился узником в темнице прокопчённой,
Пора на волю. Я теперь – не заключённый.

НАБЛЮДЕНИЕ

Альтер и эго в каждом прижился,
С долей земною каждый смирился.

ПОСЛЕДНИЙ ТАНЕЦ

Прошу тебя, станцуй... Последний танец,
И мы навек расстанемся с тобой,
Не зазвучат для нас призывно скрипки,
Не завлекут нас новой игрой.

Лишь это сохраним в воспоминаньях,
А дальше – прах. Себя ничем не льщу,
Теченьем унесёт наветы, сплетни,
Но вновь тебя по городу ищу.

Я стал прозрачной тенью, вольным ветром,
Брожу, незримо улицы топчу.
Где ты со мной пересечёшься взглядом –
Не ведаю – ищу, ищу, ищу...

Стемнеет ночью, утром свет забрезжит,
А мысли всё к тебе одной бегут,
Я знаю, грешный, что грешу бессчётно,
Что виноват пред Богом – там и тут.

Свой дар принёс я в жертву равнодушью,
Непостижимой хитрости твоей,
За это одиночеством наказан,
Смыкается пространство всё тесней.

Но всё ж станцуй... Останься ненадолго,
Я закажу мелодию... Постой...
Не верь вражин наветам. Пусть отсохнет
Язык их, адской смазанный смолой.

УТЕШЕНИЕ

Ничего, время всё успокоит
И распутает бедствий клубок,
Вечен Времени неодолимый,
Непрерывный могучий поток.

Наша боль, и печали, и стоны,
Всех грехов человечества рать –
Это происки дьявола, козни,
И страстей суетливых печать.

Все искусы, сомненья, волненья,
Что томят в кандалах нашу плоть, –
Время всё в одночасье поглотит,
Всех рассудит Отец наш, Господь.

НА КРУГИ СВОЯ

Мы отдалимся,
Канем в безмолвье,
Здесь потерявшись,
Обрящем иное...

Время, подкравшись,
Нас разлучает,
Пройденный путь наш
Слёзы скрывает.

Мы, исчерпавшись,
Пеплом мечтаний
Душу покроем,
В прах обратившись.

Нас позабудут,
И поколенья
Новые сменят
Нас, отлюбивших.

Только теперь мы
Вместе, обнявшись,
Напоминаем
Небо и море.

Клубы тумана
Вдаль устремятся
Самозабвенно
Тебя я лобзаю.

Мы одолеем
Моря и вершины,
Ласточка с неба
Весточку шлёт нам.

В сердце кручина,
Вновь тебе снюсь я,
Прошлое тропы
Перечеркнёт нам.

Сызнова стужа
Бьёт под лопатки,
Боли печатью
Сердце зажато.

В страхе потери
Сердце застынет,
Разбередит мне
Душу страданье...

Но, утомлённый,
Я отступаю,
И замирает
Очарованье.

СТРАХ

В ночи дождливой лондонской немой
Вновь вспоминаю стих далёкий детства.
Не знаю, где прервётся бег твой, сердце,
Но прах прими, Тбилиси, упокой...

Глас вдохновенья? Или сны зовут?
Плутаю на чужбине ночью, денно,
Сочится сердце горечью измены,
И сам себе я приговор и суд.

Я одинок, в груди теснится страх,
Предчувствий бред, встают виденья скопом,
И Лондон стал мне кладбищем и гробом
Горючих дум... Душа в пыли, впотьмах.

И что меня могло здесь удержать?
Печаль по тем местам, чья бита карта?
А вся беда – не в том ли, что когда-то
Отверг я, грешный, Божью благодать...

Пока не поздно, Господи, мой Спас,
Покаяться дай силы мне, хоть малость,
И забери меня в урочный час,
Чтоб сатане добыча не досталась.

И вновь боязнь, растерянность, скулёрж,
В испуге – страха смерти одоление,
Чёрт дразнится – ему ведь невтерпёж
Лишить меня Господня утешенья.

ЗЫБКИЕ ГРЕЗЫ

Грёзы в замешательстве
Закружились в Лондоне,
Кучерявых ландышей
Всюду тени тонкие...

Как печаль небесная
Промелькнув с улыбкою,
О, какой желанною
Стала ты и зыбкою...

ЦЕНА ЖИЗНИ

Когда я слышу – продано! – душа
Щемит, и я спокойно рассуждаю –
Как можно чувства продавать с лотка,
Как продавать любовь и вдохновенье?

Я тоже продан, продан и другой,
Кто сердцу был всего и всех дороже,
Кому я верил, обожал кого,
Рукою сатаны контракт готовит...

Вполне подходит ум и интеллект,
Исправен паспорт, внешность не подводит,
Он за меня молиться в храм идёт,
Молитвы вечной истины читает...

А я потом, покаявшись в грехах,
Взращу себе торговца из младенца,
Свободным буду пребывать всегда,
Расправив крылья, воспарю над миром.

- Дзинь-дзинь – опять по нервам телефон.
- Нормально всё, плыву вот по течению,
Хожу, бывает, в театры и в кино,
Один вопрос проблемный – вера в Бога.

Когда кричат – всё продано! – во мне
Душа щемит, но рассуждаю здраво –
Я продан. Продан по цене любви,
Тебя продали по цене покоя.

НА ГРАНИ

В-о-от,
В-о-от,
В тумане, в дымке отгоревшей
Ветла предстала поседевшей.

Ты где-есть,
Красавица и фея,
И снова стала ты моею...

И соловьи поют наперебой,
Побудь, побудь,
Не уходи, стой!

В-о-от,
В-о-от,
Здесь снова ты-ы,
Ты измождённой, поседевшей,
Стоишь в тумане отгоревшем,
Перед паденьем, у черты.

ЗИГЗАГИ БРАЧНОЙ КАРЬЕРЫ

Деревенскую девицу
Всю с иголки одели,
От неё, с дипломом красным,
Даже принцы обалдели.

Всех под корень подрубила,
Всех с ума свела красотка,
Незначай гулящей стала,
В этих самых модных шмотках.

Не беда – найдёт плутовка
Иностранного пройдоху,
Обольстит, мозги запудрит,
Замуж выскочит за лоха.

МОЁ ЗАВЕЩАНИЕ

Где б ни отдал я Господу душу,
Схороните в Тбилиси, молю,
Если сердцем ещё вы грузины,
То исполните волю мою.

Не боюсь я костлявой старухи,
Душу родины свет обольёт,
Купол вечного Светицховели
Небеса пред мной распахнёт.

В изголовье мне крест положите,
Чёрный камень мне грудь придавил,
На могильной плите начертайте –
Здесь лежит, кто страдал и любил.

Розы алые поверху бросьте,
Посадить не забудьте дубок,
Сбоку – столик, скамейку поставьте,
Каждый чтоб помянуть меня мог.

Я ж из Вечности буду молиться
И замаливать ваши грехи,
Вспомню дни пребывания меж вами,
Там, в Тбилиси, вино и стихи.

Нарикалы я вспомню твердыню,
Склон Мтацминды, обитель святых,
Песнопения в древнем Сиони,
Свет Кашвети, над Мтквари мосты...

Душу наполнят мне счастья потоки,
И отдохну наконец я с дороги.

МОЛЬБА

Ласточка, ласточка, к солнцу взлети,
Бурю в душе укроти,
Сумрак мечтаний напрасных рассей,
Боль неудавшейся жизни моей.

Ах, чересчур я тебя обязал,
Но – что посеял, то и пожал.
Птичка-сестричка, прости. Я терплю
Муки за то, что люблю.

Что нам поделать, когда сорняки
Весь урожай погубили,
Льстивым дурманом прошибли мозги
И вдрабадан напоили.

То, что осталось на плечи полей
Долг мой – дотла уничтожить,
Дай же мне, грешному, клетку сломать,
Освободи меня, Боже!

ПРИЗЫВ

Выходите, попрошайки, оборванцы,
Мир наш гибнет, гибнет дьяволу в угоду,
Вы, мещанские душонки, вы, засранцы,
Не пора ли побороться за свободу?!

Курам на смех бизнес ваш, тупой и вшивый,
От ворованного много ль будет проку?
На чужой крови построили дворцы вы,
Только выйдет вам награбленное боком.

Расплатились мы за ваши злодеянья,
Приумножив ваше гнусное имущество,
Это нашими слезами и страданиями
Подарили вам, мерзавцам, всемогущество.

МОЛИТВА УСТАВШЕГО

«Как я устал» -
В который раз опять
Я должен повторять и повторять.

Услышь среди гроз
Или в ночной тиши,
О, Боже,
Крик измученной души...

С мечтами грешными,
Сам грешник, прозябаю,
Живу, как все,
Грехи свои влача,
О, сколько боли
Я в себе таскаю,
Пошли хоть проблеск
Радости луча...

Услышь, шепни:
«Тебя я не оставлю»,
О, помоги...
Я трус... И я герой.
Живу, грешу,
Молюсь, терплю, лукавлю,
Я – сын Твой. Сжался,
Сжался, Боже мой!

ЛОНДОНСКИЙ ТУМАН

И снова мне туман на плечи ляжет,
Навьючит мозг тяжёлых мыслей груз,
И каждый грешник лондонский навяжет
Мне свой тупой, прилипчивый искус.

Как рыцарски я в детстве был настроен,
Как много взять готов был на себя,
И всюду нёс, невежда, глупый воин,
Свободу, день-деньской о ней трубя.

Вот «мой» старик в соседней подворотне,
Протягивает руку – как в огне.
Не милостыню я подал сегодня,
Его «спасибо» - подаянье мне.

Со мною делит он клочки тумана,
И легче станет, если мысль мелькнёт –
Тебе зачтётся это... Но обманно
Всё это утешение, не в счёт.

И вновь туман, он давит всё сильнее,
Стелясь, напоминает о себе.
И для меня становится яснее,
Что вечный спутник он моей судьбе.

Извечный есть такой закон суровый,
Что в небо испаряет воду зной.
И носим мы грехов своих оковы,
И звон их мы услышим за чертой.

ПРИЗЫВАНИЕ СМЕРТИ

В зените солнце, жгут его лучи,
Я духотою затхлою задушен,
Но в этом теле, высохшем, ещё
Остался запах свежести минувшей.

Рой разноцветных бабочек кружит,
Извозчиков моих грехов ужасных,
Или любви предвестников, тепла...
Усталый блюз моих надежд напрасных...

Грехи и стоны – наш земной удел.
И – поиски в извилинах сознания
Надежды, похороненной давно,
И – ожиданье, снова ожиданье.

Когда настанет счастья миг, когда
Он превратится в неизбежность рая,
Спасительница явится с косой,
Боль уголяя, слёзы иссушая...

ЦВЕТЫ В ГОРШОЧКАХ НАДО МНОЙ СМЕЮТСЯ

Цветы в горшочках надо мной смеются,
Мост радуги увидеть бы во сне,
Кошмар – и сети чёрта вновь сплетутся,
И зубоскалит пасть его в огне.

Глаза таращу в серость стен негодных,
Вновь Лондон. Одиночества гобой.
По переулкам хлещет дождь холодный,
Ночной, всегдашний собеседник мой.

А где-то сокол солнце рассекает
В краю цветов, поющих день-деньской,
И чокнутая бабочка играет
С насупленной, морщинистой скалой.

Цветы в горшочках надо мной смеются,
Мост радуги увидеть бы во сне,
Мечты помогут прошлому вернуться,
Мечты надежды не убьют во мне.

ВЕСТНИЦА

Ветерком повеяло,
Как током.
Пролетела птичка.
Здесьний друг
Говорит:
«Она летит с востока,
Из твоих краёв...»
Я понял вдруг,
Что полёт её –
Воспоминанье
О друзьях,
Покинувших юдоль
Суеты,
Стремлений и страданий,
И осталась в сердце
Только боль.

ПРОЩАНИЕ С НАДЕЖДОЙ

Как незаметно годы пролетели,
Я постарел, я больше не дитя,
Не для меня лучи зари зардели,
Дружить со мною Музы не хотят.

И для других – уют тбилисских улиц,
И для других – улыбки гордых роз,
Мечты уходят в прошлое, ссутулясь,
Уходят, душу бередя до слёз.

О, что за время – не пойму его я,
Как я устал... Не верю никому.
Друзья в земле, в объятиях покоя,
Мне ж мира нет – во сне и наяву.

ГОЛУБИ МИРА

Мачеха Саманишвили
Снова выходит замуж,
В Грузии дел по горло,
Станет страна здоровей,
Парни, женитесь на сучках,
Девки, ловите Фредов,
В честь великого праздника
Выпустим голубей.

НАСТАНЕТ ЧАС

Радуйтесь, бляди, радуйтесь,
Грузия – вам на откуп,
Только придёт возмездие,
Будут и вас судить.
Хоть разругайтесь вдрызг вы,
Хоть врасос расцелуйтесь,
Выйдете всё же в рубищах
Милостыни просить.

УТРАЧЕННЫЕ НАДЕЖДЫ

Когда мечты испепелятся,
И только прошлое горчит,
Остынут чувства, затаятся,
И отчий край вдали молчит,
Когда исколотое тело
В падучей корчится, когда
Грядущее осточертело,
Без разницы тебе – куда
На перекрёстке омертвелом
Укажет путь в ночи звезда.

ВПЕРЁД, НА ЗАПАД!

Собралась блестящая, знатная общественность
С западной ориентацией, но порой, на волнах
патриотизма,
Вспоминающая вина кахетинского божественность
И произносящая тосты за Отчизну.

Вот, познакомьтесь, эта госпожа – дипломат,
Вышла замуж за иностранца. Удачно.
И, не щадя себя, готовит невест в «джентльменский ад»,
Тестирует поток потенциальных новобрачных.

Её очень заботят Отечества судьбы,
И мысль – оправдать себя как-нибудь бы...

КОГДА ТВОЙ ВЗОР ПРЕДСТАНЕТ ПРЕДО МНОЮ

Когда твой взор предстанет предо мною,
Твой лик, сошедший будто бы с икон,
Ресницы, брови – плавною дугою,
Свечей сгоревших я услышу стон.

Их слёзы – словно вечные виденья,
Меня уводят в дальние края,
Где гномы заунывным дразнят пеньем,
Коря во сне за прошлое меня.

Всё глубже сон спасительный, всё крепче
Могуществу его не прекословь,
Но в сердце страх – твоих насмешек перчик
Меня обезоруживает вновь.

Мои цветы в душе твоей не вянут?
Гнетёт ли боль грехов моих тебя?
Твои улыбки светлые воспрянут,
Взлелеянные в муках и скорбях...

В ЧУЖОМ КРАЮ

В чужом краю всё – от и до – чужое,
Чужое даже собственное «я»,
Невеста удрала. Чего напрасно
Кобенишься ты, друг Чичикия?

Она выходит замуж за британца?
Тогда лады, Чичикия, лады...
Нужна Отчизне помощь иностранцев,
Так радуйтесь, ел-ды!

С ВОЛКАМИ ЖИТЬ – ПО-ВОЛЧЬИ ВЫТЬ

Мне чёрную метку прислали враги
И ждут, чтоб я скурвился тоже,
Чтоб в адские душу отправил круги,
Тобою оставленный, Боже!

Чтоб грех я вернул вам сторицей и чтоб
Слезами облились вы горько, взахлёб,
И не было в радость Иуды лобзаньем
Венчать свои тёмные, злые деянья.

О, как это просто и трудно порой –
Ответить вам той же монетой,
Вы жалки, вы нищи убогой душой,
Я зло вам прощаю за это!

ПРОСТИ, МЕЧТА!

Из лабиринтов памяти извлёк
Мечту, что в темноте не заблудилась,
Она на время только затаилась,
Взгрустнула, но явилась точно, в срок.

В душе воздвигну храмы, приглашу
Под своды их прохожих, брата, друга,
Служа гостям, себя не пощажу,
Весна нахлынет, зацветёт округа...

Влюблённым я – опора из опор,
Прочь зависть, на себя приму удары,
Молитва-песнопенье в светлый хор
Сольётся, с ней – и голос мой усталый.

Прости, мечта, что протащил тебя
По всем дорогам мерзости и грязи,
Но разве не ласкали нас, любя,
В тиши признанья не шептали разве?

КРУГОВАЯ ЧАША

На Тбилисское море спустились,
Босоногие, детства друзья,
Помянули, с кем рано простились,
Да услышат нас в вечных краях!

Чашу горькую пустим по кругу,
Чтобы каждый испил по глотку,
С болью вспомнив и брата, и друга,
И простив прегрешенья врагу.

И, беззубый, пирует на тризне,
Облысевший убанский кагал,
Кто – женат, кто – свободен по жизни,
Молох времени всех изжевал.

Снова к чаше припали мы жадно,
Пойлом мысли о смерти глуша.
Зная – юность ушла безвозвратно,
В опьянении ослабла душа.

Вновь пластмассовый полон стаканчик,
Мы всегда разживёмся вином.
У кого-то найдётся записка,
Здравствуй, братство, так снова нальём!

Этот сдюжил, в том вера сломалась,
Ломит плечи от груза забот,
И о чём говорить нам осталось?
Но живёт ещё братство, живёт.

В воду плюхнемся прямо в одежде,
От вина – и мозги набекрень,
И заснём мы, обнявшись, в надежде –
Завтра новый затеплится день.

Снова чашу по кругу отправим,
Чтобы каждый испил по глотку,
Снова Господа сердцем восславим,
И простим прегрешенья врагу.

На Тбилисское море спустились,
Босоногие, детства друзья,
Помянули, с кем рано простились,
Да услышат нас в вечных краях...

ОСТОЧЕРТЕЛО

Потерян рай,
Украдена мечта,
Плач одиночества,
Возлюбленные – тени!
Дождь. И в душе –
Сомненье, пустота,
Боль о пропащем
Нашем поколенье.

РАВНОДУШНЫМ

Стрельба – обман, всегда обман,
Молчанье предпочту обману,
Не фарисействуйте, ведь вам
Моя печаль – по барабану.

МОЛЬБА

О, тбилисские улицы,
Снова примите меня,
Встречных всех обниму,
Обласкаю и облобызаю,
Стариков и детей,
И в ночи, и средь белого дня,
О, примите меня,
О, примите меня, умоляю...

Сыну блудному вновь
Распахните объятия свои,
Дайте мне подышать
Вашим воздухом, вашими снами...
И наслушаться песен,
И вспомнить о давней любви,
О, примите меня,
О, примите меня, умоляю...

ЗЕМЛЯ ВОЗЬМЁТ СВОЁ

Одиночество. Полночь. И снова являются мне
Тени старых друзей, голосов их любимых подобья,
И тянусь, и бреду я за ними, как будто во сне,
Город детства жилища сменил на кресты и надгробья.

Ах, какой бы накрыли мы стол и устроили пир,
Если б не отвернулся от нас этот бешеный мир,
Перепившись, друг другу в сердцах по мордам надавали,
Но иначе судьба рассудила, земля позвала,
Слово истины всем за чертой роковой изрекла,
Что шептал нам Господь, Но Всевышнему мы не внимали...

Одиночество. Полночь. И снова являются мне
Тени старых друзей, голосов их любимых подобья,
И тянусь, и бреду я за ними, как будто во сне,
Город детства жилища сменил на кресты и надгробья.

СТАРИК И СТРАННИК

Ночь. Промозглый туман. Пуст заброшенный дом,
Слышен звон колокольный во тьме беспросветной.
Над погасшим рыдает старик очагом,
Двери робко скрипят в тишине беспросветной.

И, едва ли не падая с ног, измождён,
Входит странник случайный, теряясь, в истоме,
И, взглядевшись, старик узнаёт: «Это он»,
И спокойствие вдруг воцаряется в доме.

Он приветствует гостя по-гречески: «Как
Поживаете, милости просим». Скрывает,
Что знакомо ему, сколько этот бедняк
В жизни мук пережил, как он горько страдает.

На рассвете, когда странник двери прикрыл,
И продолжил свой путь, старец, полон печали,
Вынув лист пожелтевший, стихи выводил:
«Перезвон колокольный, зов родины дальней...»

ОБЕРЕГ ГЕОРГИЯ СВЯТОГОРЦА

У смертного его одра
Нам приоткрылась бесконечность,
И в дар нам вечности закон
Оставил он – и отбыл в вечность.

И свет его последних слов
Передавать другим нелепо,
Ведь вечность, причастив его,
Пред ним врата отверзла в небо.

Его завет меня хранит
От прегрешений и напастей,
И чистота его молитв
В душе моей смиряет страсти.

Усталому, вчера опять
Во сне явился старец мудрый,
И я просил его под утро
В ученики меня принять.

С улыбкой в дом свой пригласить,
И обласкать, и удостоить
Сказаньем мудрым и простым
Меня утешить, успокоить.

А после, скарб свой уложить,
Напеть мотив последней песни,
Молитву Богу вознести
И на порог взойти Небесный.

С улыбкой света на устах
Вновь перед Господом предстах.

МОЛЬБА СВЯТОМУ ГЕОРГИЮ ИВЕРСКОМУ

Прими меня, отче, грешного,
Всхожу на Афонскую гору я,
Прости меня, Святой Георгий,
К тебе обращаю взоры я...

В стенах монастырских душу я
Согрею молитвой светлою,
Слезами тоски по родине
Умоюсь, покой изведаю...

Под звон колокольный Всенощной –
Иберии откровение...
Душе, печалью охваченной,
Молитва твоя – спасение.

Обнимешь ты, отче, странника,
Свой стих прошептав мне ласково,
Молитвой коварство недругов
Повергнем мы в прах, как аспида.

НЕ ОСТАВИ МЕНЯ, ГОСПОДИ!

Затребует своё гнилая плоть,
Чтоб чистоту любви перебороть.

А вы ещё смеётесь? Вы, уроды,
Мозги мне лестью вздумали дурить?
Честь, мужество, ушли в былые годы,
Довольно вам ребячиться, юлить...

Во дни отрады и во дни паденья –
Господь нигде меня не покидал,
И коль меня убьют за прегрешенья,
Прости мне, Боже, я тебя предал...

Мы, жалкие, Тамар-царицы знамя
Поднять пытались, с именем святой
Отчизну возродить, но веры пламя
Залили сплетен грязною водой.

О, Господи, дай силы мне мятежной
Соблазны мира выжечь на корню,
Дай мужества на голос плоти грешной
Не откликаться... Господи, молю!

НЕ ОБЕССУДЬТЕ

Подайте чашу – кровь лозы светла,
Вселенную я облечу, как птица,
Не обессудьте, коль, сгорев дотла,
В Великий пост не стану я молиться.

ЛЖЕЦАМ

Не судите строго, если я истрачусь,
Низменные страсти не смогу смирить,
Я обманут вашей лаской фарисейской,
Обманувшим права не дано судить.

ПИЛАТАМ

Смотрите, я пришёл, ваш раб смиренный,
Пилаты, не довольно ли вам лгать?
Георгий – имя мне, и я мечтатель,
Иного братства надо ли желать?

МЕЧТЕ

Вновь за спиной поносят нас нещадно,
Плюют нам в душу, зависти полны,
Рассорить нас клеветникам отрадно,
Нам горько, виноватым без вины.

Мечта моя, тебе взгрустнулось нынче,
Казнишься ни за что, живёшь, скорбя,
Прости меня, нарушил я обычай,
Измучил, непорочную, тебя.

Нет, ты не станешь яблоком раздора,
Тебя я не оставлю сиротой,
Достойна ты Вселенского простора,
А я – всего лишь человек простой.

Ты не ушла, ты только затаилась,
Ты вновь расправишь крылья и взлетишь,
Мечта моя, надежда, Божья милость,
В душе, в тиши вечерней, ты грустишь.

К ЧЕМУ СТРЕМИЛИСЬ, ОБРЕТЁТЕ ВЫ...

К чему стремились, обретёте вы,
Но умоляю – дайте мне покоя...

Старинное сказанье вспомнил я
О золоте, что в пепел обратилось.

А мы, его замыслив похищенье,
Не погнушались грязным грабежом.

ЗАВИСТНИКАМ

Подчас мне, право, горько и смешно,
Зачем чужие звёзды вам и слава?
Целуя, нож не прячьте за спиной,
Я знаю всё, смешно и грустно, право.

Не ведаете вы, что Божий дар
Лелеять нужно, как дитя родное,
Но я люблю вас, как прохладу нар
Тюремщик престарелый, на покое...

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

Я возвращусь к родимому порогу,
Хозяин добрый двери распахнёт,
Объятием согреет. Слава Богу!
Вот отчий дом. Вот странствия исход.

Меня Всевышний нежно обласкает,
Прижмёт к груди. Страньем и тоской
Измученное, сердце замирает,
В нём воцарился сладостный покой.

Господь утешит, слёзы мне осушит
Благою дланью, и пожар страстей
В душе моей в единый миг потушит,
И разольётся свет в душе моей.

Помолимся, коленопреклоненны,
Стыдом умоюсь – я Тебя предал...
Но Истина искупит грех измены,
И страх исчезнет – словно не бывал.

Господь покажет двери мне в обитель,
Где собрались и ждут меня друзья,
Теперь я с вами, я – Небесный житель,
Исполнилась, сбылась мечта моя!

Приснится мне в моём жилище новом
Озорников-подснежников чреда,
Что растопили снежные покровы
И обратили в бегство холода.

И, в хоровод вокруг меня сливаясь,
Посплетничают – всё им нипочём,
И превратимся мы в цветочный парус,
И вечности просторы рассечём

ФАРИСЕЯМ

Вы решили, что душу poznали мою,
И что тайн у меня не осталось?
Вы ошиблись. Хоть я ничего не таю,
Вам неведома даже и малость.

Я уеду, залягу на дно – переждать,
Либо грех на пути совершу я,
Но Господь защитит. И не стану я лгать,
И прощенья Его испрошу я.

Покажитесь, подонки, числа же вам несть,
Что ж вы сердце моё изрубили...
Беспощадною будет и страшною месть,
Слёзы лить вас заставлю в бессилье.

Человеком остаться – один лишь закон
Соблюдать – недостаточна плата.
Так очистите душу, и разума сон
Изгоните, лжецы, чертенята...

Даже пулю приму, покорившись судьбе,
Коль враги будут битвы достойны,
Прегрешенья разделим в открытой борьбе,
Крысам – норы, воителям – войны.

ШАЛВЕ БИБИЛЕИШВИЛИ

Отрезанный от родины ломоть...
Тоска, разлука... Боль – в душе заложник.
Мытарства ты пытался обороть,
Но исцелить страданья невозможно.

Закат. Душа с чужбины, оробев,
Летит в Тбилиси, где гулял ты славно,
Покуда Бог не взял тебя к себе,
Слезами льётся дождь твоими, Шалва...

Мужчина должен всё преодолеть,
Уйти из жизни с песнею победной,
Прости нас, дед, что не смогли успеть,
Тебя ободрить, Шалва, в час твой смертный.

Да отворит Господь тебе врата,
И раны исцелит, как добрый лекарь,
Чтоб свет к тебе излился навсегда,
И все мечты твои сбылись навеки...

ЗАВИСТЬ

По деревне разносятся слухи –
Парень вывихнул ногу, споткнулся,
Старики суетятся, старухи,-
Интерес к брэнной жизни вернулся.

Молодёжь вострепенулась – где было
Раньше радости сердцу – а нынче...
Пища злобе – кусок-то нехилый,
Вот такой у народа обычай...

Рубят сук, где сидят – утлым яликам
Не постигнуть страданья «Титаника».
Не простите вы горя великим,
Дёття в мёд подмешаете вмиг им.

Что вам заповедь мудрости, чести,
И любви – путь забыли вы к Богу...
И – как куры на грязном насесте –
Квох да квох – парень вывихнул ногу...

НЕСБЫТОЧНОЕ

Неужто случится такое,
Что небо разъемлет моря,
Блаженная память покоя
Укроет, утешит меня...

Неужто тебя повстречаю,
На грудь ты мою упадёшь,
И чистой слезою печали
Ты щёки мои обольёшь...

И неотвратимую болью
Огонь мы священный зажжём,
Когда-то сожжённый тобою,
И снова воскреснем вдвоём.

Но мы опоздали, родная,
Увы, не обманешь себя,
И я от надежд убегаю...
Спасаясь? Иль душу губя?

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЕГЕНДА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

О, какое было время, чудный век самозабвенья,
Все плясали, веселились, ели вдоволь, пили всласть...
Как из рога изобилья, исполнялись все веленья –
Всё вверх дном перевернулось, воцарилась беса власть...

- Рухнет мир, - раздался голос, - и свернёт Земля с орбиты,
Пропадёт, исчезнет, канет в бездне, в пропасти времён,
Все погибнут, и в пустыню обратится мир забытый,
И никто не вспомнит больше наших песен и имён.

Братья, за руки возьмёмся, нам осталось так немного,
Чтоб грехи свои былые в час последний замолить,
Но избрали мы «свободу» - от раскаянья, от Бога,
Приложились к чаше с ядом – зелья дьявола испить...

Призывавших вспомнить совесть, обзывали мы шутами,
Издевались над юродством, опьянясь вином утех.
Кто сорвать хотел насилья, безнаказанности знамя –
В одиночества темницы рассовали грубо всех.
Судный час настал внезапно. Взгляды в душу обратили,
Ужаснулись мы, но поздно – покаянья минул срок,
И, отчаянные трусы, на других вину валили,
И дрожали, но не внял нам, не простил нас, грешных, Бог...

ОДА ЧИСТЫМ ПРОДУКТАМ

Один грузин, что в Лондоне застрял,
Житейских бурь налёт переживая,
Так говорил: морковь, любовь моя родная,
Свежей тебя, из грядки, не едал!

Травушка-муравушка
Вырастет опять,
Ядохимикатами
Не травите, б-дь!

У атташе поехала крыша,
И лёгкими свистит он, старый хрыч,
Хинкали жуй... Приятно на душе?
Я сделал вам хороший магарыч?

МОНОЛОГ РАЗОРЁННОГО

Эх ты, синь небесная, синь – сплошной обман
Истомила душу ты, светлая лазурь,
Ностальгия мучает, пытка дальних стран,
Дай причалить к пристани после долгих бурь...

Всё пустил я по ветру, что нашёл в пути,
Эх, мои сокровища не нужны купцам,
Был я всем до лампочки, как же их найти,
Но в живых остался я, жив, назло врагам.

Что с собой в могилу мы, братья, унесём?
В прах уйдут рождённые все на этот свет,
У порога вечности душу мы спасём?
Праведники разве лишь... Среди нас их нет.

НАДГРОБИЕ №13

Я везде – в сожжённом самолёте,
В разорённой беженцев толпе,
Ближний, ненавидимый в народе-
Тоже я, по жизни, по судьбе.

Пусть не смог помочь я вам покуда,
Но услышан мною брата стон.
Если я вернусь (представим чудо!),
Не сердитесь – рядом будет он.

Ликовал я, или насмерть бился,
То нужда, то просто пустота...
То я ныл, то бил челом, молился...
А в ответ не слышал ни черта.
Кроме документов на могилу
Людям ничего не нужно было...

ОРЁЛ ИЛИ СТРАУС

Ох, потерялся ты, ох, заблудился ты, брат,
Кто в жизни прав – не поймёшь, или кто виноват.
Выход единственный – плюнуть на всё и принять
Правила их, и не станут к тебе приставать...

Ты растворись среди них, и отстанут, поверь,
Угомятся, не будут звонить тебе в дверь,
Все треволненья улягутся, если народ
Будет уверен, что ты не стремишься в полёт.

Знаю, как тяжело надежды, мечты хоронить,
Душу надгробия их будут вечно давить,
Но утешайся, ведь птицы – и тот, и другой –
Гордый орёл, или страус трусливый, тупой...

ЗЛАТОЮ ЧАШЕЙ ОБНЕСИТЕ КРУГ!

Грядёт кругом стрельба и кутерьма,
И нас, убитых, штабелями сложат,
«Мы правы!»- заорёт народу тьма,
И нам грехи припомнит, святой Боже!
Златою чашей обнесите круг,
В неё сложите жемчуг и агаты,
Но нет цены любви, и слову «друг»,
За них не платят, не взимают платы.

Припомнят нам ошибки, грешный путь,
Братоубийство, горькие обиды
Заставят нас, ушедших, изрыгнуть,
И пули всадят в нас, уже убитых.

Златою чашей обнесите круг,
В неё сложите жемчуг и агаты,
Но нет цены любви, и слову «друг»,
За них не платят, не взимают платы.

Припомнят нам и чёрствый хлеб нужды,
Растерянность, и глупые решенья,
И на могилах осквернят кресты,
И разгрызут клыками погребенья.

Златою чашей обнесите круг,
В неё сложите жемчуг и агаты,
Но нет цены любви, и слову «друг»,
За них не платят, не взимают платы.

Но, злобствуя, что всё же победить
Не выдюжили нас, они потомков

Не поленятся – что ни день, честить –
Цвет ядовит у языка подонков.

Златою чашей обнесите круг,
В неё сложите жемчуг и агаты,
Но нет цены любви, и слову «друг»,
За них не платят, не взимают платы.

Патриотизм вам не по нраву наш,
Вам не по нраву наши убежденья,
Мечты о счастье – ерунда и блажь,
По мненью их, достойно осужденье.
Златою чашей обнесите круг,
В неё сложите жемчуг и агаты,
Но нет цены любви и слову «друг»,
За них не платят, не взимают платы.

И злоба душит нас в часы молитв?!
И не христиане мы, а басурманы,
Да, и вино нам кровь не веселит,
А бесит в кураже, тупом и пьяном?!

Златою чашей обнесите круг,
В неё сложите жемчуг и агаты,
Но нет цены любви, и слову «друг»,
Нет, нет у них земной, похабной платы!!!!

ГДЕ ИСТИНЫ Я ТОЛЬКО НИ ИСКАЛ

Когда перезимует в сердце боль,
И покрывало горечи оставит,
На нём цветок увядший, как пароль
Изгнанников. Он прятан, он душу ранит.

Где истины я только ни искал,
И у кого не спрашивал путей я –
Что ждёт меня – никто не подсказал,
Иль сердца мне открыть не захотели...

Как утомляет маета, тщета
Всех ожиданий... Сон зову целебный,
И там, на древе, сладкого плода
Вкусить возжажду, пленник грёз волшебных...

Кого уж нет. А кто пленён нуждой –
Теперь мне безразлично, потому что
Всех вас готов обнять я. Всеблагой
Господь, утешь... Мокра от слёз подушка...

И вновь четыре мёртвые стены,
Взгляд чуждой ночи, леденящий душу,
Мои здесь песни ближним не нужны,
И тишины мой голос не нарушит.

- Когда перезимует в сердце боль...
- Где истины я только ни искал...
- И вновь четыре мёртвые стены...
Брань, грязь. Чужого города оскал...

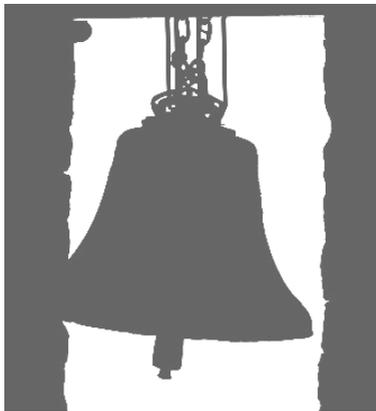
КОЛОКОЛА ОТЧИЗНЫ

Колокола церковные взахлёб
Звенят – Отчизны голос издалёка,
Зовут, манят, но я вдали по гроб,
Я, блудный сын, изгой, по воле рока.

Они же, как мальчишки-шалуны,
Галдят – вернись, мы б счастья слёз не скрыли,
И помолиться вместе мы должны,
И рассказать, как без тебя здесь жили...

Они опять напомнят мне о том
(Ах, голос их летит ко мне сквозь годы!) –
Монах Георгий на святой Афон
Восходит, и в душе слагает оды...

Вечерний звон, вечерний звон,
Кого ты ждёшь в краю родном...

МОИМ МЕЧТАМ

Засну, и лягут сумерки кругом,
Мечты мои, моря переплывите,
Как тяжело жить друзьям в краю родном,
Мечты мои, друзей благословите!

Освободите чувства от цепей,
Былую свежесть голосам верните,
Не сдамся я – до самых судных дней,
И не надейтесь, недруги, не ждите...
Все соберёмся за одним столом,
Все – грешники, или почти святые,
Сердца, храните верность! Вносит в дом
Букет цветов гонец любви впервые...

И если смерть кого-нибудь из нас
(Или меня), пометит ненароком,
Так ничего – мы вновь, в урочный час
В чертоге вечном соберёмся. С Богом!

И кто покинул бренный мир земной
Не в срок (моё исходит сердце кровью),
Предстанут для свидания со мной,
И вечной мы наполнимся любовью.

Давайте милость к падшим призовём,
Простим им робость, не подвергнем каре,
Мы тоже виноваты, что вином
Не стал в их душах пенный маджари...

Засну, и лягут сумерки кругом,
Моря и горы пролегли меж нами...
Коль я не встречу вас в краю родном,
Мечты пространства рассекут крылами.

ДЕРЕВЬЯ ГАЙД-ПАРКА

Скелеты деревьев Гайд-парка
И чёрные рёбра ветвей
Мне шепчут: «Не жди здесь подарка,
Дождёшься лишь смерти своей».
Рулетка грехов – дни за днями –
Всё вертится – не отверчусь...
Вы – семенем здесь, и корнями,
Я ж – к родине сердцем стремлюсь...

СУМАСШЕДШИЙ СТАРИК

Старик безостановочно бормочет,
Умалишённый, всех долбит и мучит,
Неужто этот взгляд его пророчит
И мне такую ж горестную участь...
Лик сморщен. А ведь был красив когда-то.
Мы за столом. Он властвует над нами.
Как мотыльки, его горящим взглядом
Заворожённые, летим на пламя.

ПОДАРКИ ВЕТРА

Я, в кандалах извечной ностальгии,
С трудом вдыхаю лондонский туман.
Приносит ветер мне слова родные
И колыбельной сладостный дурман.
День нынешний и прошлого виденья –
Вмещают всё и разум, и душа,
«Ты ж не дитя, чтоб верить в наважденья...»
Но сны цветные блекнуть не спешат...

ПОКАЯНИЕ

Он примет грешника, слезами оросит,
Дверь распахнёт, обнимет у порога,
Во всём покаюсь... А грехов так много,
И всё же все грехи он мне простит.
Молитва скрасит горьких слёз поток,
И в душу мне вернётся свет и радость...
О, горечь слёз вины... Молитвы радость...
О, благодать... Со мною снова Бог...

ТВОЙ СВЕТЛЫЙ ЛИК

Повсюду я ищу твой светлый лик,
Где ж заблудились прежние мечтанья...
Когда уйду, всплакнёшь ли хоть на миг?
Обеих жизнью тают очертанья...

МОЛЬБА

За вас молюсь, тоскую и молюсь.
Вновь в Сити дождь. И в солнце я не верю.
И об одном прошу – когда вернусь,
Откройте грешнику родного дома двери...
На родине моей уже весна,
А здесь бесчинствует холодный ветер.
И ни покрышки не видать, ни дна
Пустому бытию на этом свете.

МОЛИТВА НАДЕЖДЫ

Господи, пути твои неисповедимы,
Где прощальный колокол отзвонит по мне?
На пороге вечности (жизнь и смерть едины),
Дайте мне на храм взглянуть в милой стороне.

Эта мысль преследует, мучит неотвязно,
С нею слился крепко я, как с прикладом – ствол,
Свечи пред иконами... И молюсь я страстно,
И душа распахнута пред Святым Крестом.

Если в сердце теплится благодать небесная –
То – надежда, свидимся, отчий край, с тобой,
Щит мой и броня моя. С нами сила крестная,
Хоть душа исколота мукой роковой.

Я, овцой, отбившейся от отары кровной,
Всё слоняюсь, проклятый, сожжены мосты...
Где застигнет мгла меня – там ночлег и кров мой,
И давно размытые, всё ишу следы...

ЭЛЕГИЯ

Тоска по прошлому. Все братья поседели,
Жизнь пролетела – «словно и не жил»...
А кажется, вчера качался в колыбели,
А кажется, вчера пушок свой первый сбрил.

На множество годов умножены печали,
Мы все ссутулились, осипли мы вконец,
Скитальцы царств мечты, поверь, иной не знали,
Помимо Родины, лишь в ней – надежд венец...

ФИАЛКИ ГАЙД-ПАРКА

Тоской полна душа. Вином – стакан.
От горьких слёз мои припухли веки.
И жизнь – такая боль, такой дурман,
Где завтра, где вчера – не разберёшь вовеки...

Мне грузный Бахус нынче – побратим,
И скорьбь острей, и хмель – непобедим.

Гайд-парк. Фиалки пьяные вокруг
Всё любопытствуют: «Куда путь держишь,
друг?»»

Ответ я знаю, только не найти –
Где ждут меня на расстанях пути.

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

Вот потерянный рай. Всё смешалось – сегодня и завтра,
Обнесите нас чашей – первейшим для пьяниц лекарством,
Чтоб наутро, бия себя в грудь, мы кричали, что правы,
И кто нас поучает – не знает ни капельки правды...
Всё грустим мы по прошлому, нашим убанским тусовкам,
Жизнь побила нас, братья, и мы не в героях – в массовках,
И кого обвинять, если мы, неудачники жизни,
Сами поедом ели друг друга и вдрызг перегрызлись...

SOS

В пустом сознание безутешном
Один сигнал тревоги – SOS!
Я проиграл, слабак и грешник,
Я крылья к небу не вознёс...

СТУЧАЩЕМУ ОТВОРИ...

Помилуй, Боже! Долго я стучал,
Не отворил святой наставник двери,
Ужель его молитвы потерял?
Уносит вихрь грехов меня ужели?
Тяжёлый груз моих грехов земных
С собою я носил везде, повсюду,
Ужель не выпутаюсь я из них,
И удостоен милости не буду?
Я умоляю, двери мне открой,
Афонский старец, схимонах Георгий,
Не оставляй, я – сын заблудший твой,
Спаси от лжи, от грязи и от оргий...
Дум покаянных преисполнен я,
Но поедом едят меня и в храме,
О, выслушай, открой... Душа моя
Давно взята в заложники чертями...
Засну я в келье крохотной твоей,
И не нарушит сна звон колокольный,
Пусть снятся нам всё ярче, всё ясней
Поля и горы родины раздольной...
Помилуй, Боже! В двери я стучал,
Не отворил святой наставник двери...
Ужель его молитвы потерял?
Уносит вихрь грехов меня ужели?

МОЙ ГОРОД

*Посвящается памяти
ушедших друзей*

Мой дремлющий город,
Застолья и битвы,
Братва бесшабашная,
Други-враги...
Рассветный покой,
Шёпот чистой молитвы,
И плач у надгробий
Друзей дорогих...
Ведь мы ещё встретимся...
Бедные братья,
Моё поколение распотрошено,
Пора разрушений прошла.
Созидать нам
Потомками велено. Богом дано.
Друзей прегрешенья искупим трудом,
Довольно вражды. Общий выстроим дом.

ПРЕДЧУВСТВИЕ СМЕРТИ

Уйду я
В бесконечное, безмерное,
Предчувствие конца в душе щемит.
Придёт и ваше время,
Слово верное,
И колокол последний отзвенит.
Не бойтесь,
Ничего не проиграете...
Всей горечью, наполненной в сердцах
Меня снабдите.
К Богу отправляете,
Благословите в путь на Небеса!
Поставьте свечи восковые в храме,
И на помин души – стакан вина...
Коль что не так – не обессудьте. С вами
Я путь прошёл. Господь, прими меня!

УЗНИК

Я к одиночеству приговорён самым собой,
Печаль стоит, как вечный часовой,
На страже всех надежд моих и муки крестной...
А впереди – одна лишь неизвестность.

ГОВОРIT СМЕРТЬ

Я здесь, ищу тебя,
Куда же ты пропал?
Уловки ваши не пройдут, поверьте,
Я так хочу, чтоб ты меня обнял,
Никто, никто не скроется от Смерти...
И не помогут
Слёзы и мольбы,
Мы – вместе,
И всегда с тобой была я,
Последний приговор твоей судьбы
В урочный час тебе произнесла я.
Ты разве не узнал меня во мгле
Кварталов лондонских?
В кладбищенской земле
Не разглядел?
Ты думал – длится вечно
Возня мирская? Нет, не бесконечны
Надежды, страхи, муки, слёзы, пьянки,
Я жизни покажу тебе изнанку...
Уже стою твердыней на пути
Твоём. Тебе спасенья не найти.
Душа свободно в Небо воспарит.
А здесь – лишь тьма. Ограда. И гранит.

НЕТЛЕННОЕ

Не пепелищем станет наш роман –
В легенду превратятся чувства наши.
Когда ж, земной покинув котлован,
Вольёмся мы в бессмертие, когда же?
Святителей заветы – навсегда:
Одна любовь Вселенной движет вечно,
И наш союз не станет никогда
Добычей злого лондонского ветра...

ПАРАДОКС

Заклинаю, скажи,
Ты, греша и потворствуя лжи,
Не боишься Господнего гнева?
И стыдом не терзаешься ты по утрам,
И молиться идёшь, словно праведник, в храм,
Когда ты недостойн и хлева...
О, несчастный, тебя же никто не любил,
Клятвы верности сердце твоё не познало,
Ты любимой тепла не вкусил,
Но грехов лишь осиные жала...

ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

Трудитесь, мальчики, до горба,
Страну разрушьте и народ,
Как дурень с писаною торбой,
Вы носитесь который год
С безумием своим. Сгорела
Золотоносная страна,
Междоусобица согрела
Сердца врагов. Пуста казна.
И не по вере – по понятиям
Живя, унизились вконец.
Людская честь забыта, братья,
Наркуша – первый молодец.
Теперь до славы Базалети
Нам далеко, как до луны,
Царит чума на белом свете,
Мы пьем за здравие чумы...
А наши девы нынче – шлюхи,
Пьют, курят – заживо гниют,
И, как на мёд слетаясь, мухи,
Заезжим мистерам дают.
Что причитать тут понапрасну –
Пора трезветь и созидать,
И нашей родине прекрасной
Долги несметные отдать.

ЗАВИСТНИК

Пронзает сердце боль?
Так ну и что же?
Ты эту боль
Давно уже познал.
Своих же прегрешений пьёшь ты чашу,
И платишь пошлину за собственный провал.
Жаль только одного –
Ни своему,
Ни ближнего не радуешься счастью,
И в солнца свет ты выливаешь желчь,
И брызжешь ядом хмурого ненастья...
Остановить мгновенье хочешь ты?
Никто не останавливал мгновенья,
Чем больше в сердце искорок любви,
Тем ярче в сердце пламя искушенья.
Пронзает сердце боль?
Так ну и что же,
Ты эту боль
Давно уже познал...

ИСПОВЕДАЛЬНОЕ

«Устал, устал, устал, устал»...
Уж сколько раз я повторял...
Помилуй, Господи, спаси,
Услышь меня на Небеси!
Я – грешник, потопил мечты
В грехах, и сжёг любви мосты,
Я жалок! Мне не повезло,
И всё же жив я всем назло!
О чём просить тебя, Господь?
Дай радости... Хотя б щепоть...
Я верю, примешь ты меня,
И в бездну, полную огня
Не ввергнешь. Господи, услышь,
Я храбр, как лев. Труслив, как мышь...
Отец мой, милосердный Бог,
Прими меня в святой чертог!

ЛЮБОВЬ И ИЗМЕНА

Неразлучны любовь и измена,
Что подделаешь – вечно вдвоём,
Грех порой до седьмого колена
Не искупишь – молитвой, постом,
Даже постригом – столь он злокознен...
Чьё-то сердце шутя разобьёшь,
И прощенья потом не найдёшь
В покаянии горьком и позднем.

РАЗЛУКА

Разобьются сердца, как фарфоровые безделушки,
Не поймёт нас никто, мы – отрезанный жизнью ломоть.
А за мною молва – он греховен – от пят до макушки,
В покаянии блудных детей возвышает Господь.
Мы расстались, всё кончено. Сердце устало, остыло,
Не до песен ему. Ветер лондонский взвизгнул – затих.
Разделяю судьбу всех художников. Было, да сплыло.
Скоро вестником бедствий я стану для всех вас, живых.

«MEMORIES OF CHINA»

I'll tell you only,
Who was a China,
I killed my love,
Made killing fine art...

I was So mad,
You can't imagine,
My sin is so deep
Nobody could intervene...

То было в пабе. От внезапной боли
Старик-китаец скорчился, зажмурился,
- Ты православный... Может ли простить
Меня Христос? Да, может... И простит...
- Я умираю. Времени не хватит
Твоей мне вере научиться... Слушай,
Креститься должен я.
- Тебя крещу я.
- Ты знаешь, как?
- В час смерти человека
Священником становится любой,
Крещённый в православной вере. Должен
Я только осенить тебя крестом,
И этого достаточно.
- Так что же...
Крести меня.
И я его крестил,
И все, что помнил, прочитал молитвы,
В стакан с водой свой нательный крест
Я опустил и приложил ко лбу
Китайца.

- Я изгнал из сердца беса,-
вдохнул старик.
А я забыл трикратно
«Изыди, Сатана!»- произнести.
И вот не знаю – изгнан ли нечистый...
- Вот исповедь последняя моя,-
сказал старик.
Его духовником
Я стал, и тайну слов его
И не смогу открыть, и не желаю.
- Теперь глоточек пива – и умру.
Тебя начнут допрашивать.
- Не станут.
- Уйди, прошу.
- Я слушаюсь.
И в лоб
Его поцеловал. На воздух вышел.
Карета скорой помощи тотчас,
Сиреною ревя, примчалась к пабу.
Обвёрнутое белой простынёй,
Китайца тело вынесли. И, втиснув
В машину, увезли куда-то в ночь.
Не выдержали нервы у меня,
И, болью опьянённый, или виски,
По Лондону я до утра бродил,
Читая «Отче наш» - то по-грузински,
А то по-русски. Если я на взводе,
Не помню, нет, не помню ничего...

ПОДАРОК

Я для тебя купил серёжки,
Но не тебе преподнесу.
Их каждый год дарю другим я,
Во исполнение клятв моих.
Печаль – как постояльца в сердце
По жизни я давно несу,
И шлю тебе мои объятья
В холодных струях дождевых.
А встретившись, мы воровато
Вновь отведём глаза куда-то,
И всё же ты не сможешь скрыть,
Что не сумела разлюбить.

КОЛЕСО СУДЬБЫ

Колесо судьбы завертится,
Через горы занесёт,
Кто тебе в пути ни встретится –
Сколько лиц и голосов...

Там с тобой не будут цацкаться,
Не до жиру – был бы жив,
Увертюра эмигрантская,
Как оркестр твой фальшив...

Дома тоже жизнь не сахарна,
Но чужбина – затхлый склеп.
Грусть мотив выводит камерный,
Он и глух, и нем, и слеп.

Это ж надо, угораздило,
Как дошёл я до такой
Жалкой жизни... Вместо праздника –
Всеми проклятый, чужой.

Где ж вина моя? Завещана
Всем нам к ближнему любовь...
Но кренится, давши трещину,
Лодка, полная грехов.

РАЗЛИЧИЕ

Предел. Стою над пропастью, средь скал,
Ищу тепла, судьбой давно гонимый,
Миг вожделенья где я ни искал,
Тот, незабвенный, тот, неповторимый .

Должна стоять опора за мечтой,
Чтобы найти ей в жизни воплощенье,
Вином гурманов рог наполнен мой,
Вам – сладостных мгновений угощенье...

В себя взгляните глубже. Сколько раз
Мы угорали, от жары дичая...
И помните – от братьев меньших нас
Мечта – одна лишь только – отличает.

САНИТАРЫ

И вороны – тоже птицы,
Даже в небесах парят,
Падаль в пищу им сгодится –
Санитары, говорят.

Вот и ты не удивляйся,
Если, мертвечиной став,
Ты своим накормишь мясом
Подхалимов и халяв.

Не горюй же по утратам –
Там, где Вечности зенит,
Место правым, виноватым –
Всем Господь определит.

НА МОТИВ ЕККЛЕСИАСТА

Как просто всё – лишь прах и суета,
А мы шумим, по мелочам тревожась,
Дождь в Лондоне. И гниль, и маета,
Душа озябла, тело стынет, ёжась...

Зачем пришёл ты в мир? Лишь для любви...
Распят Всевышний был за это слово.
А кто мне здесь простит слова Твои?
Разбухло сердце, разорвётся скоро...

Хоть взялся, но не вытянул я гуж,
Своей же долей до смерти напуган,
Прости мне, Боже, сотни тысяч служб,
Но не Тебе, а похотливым слугам.

В грязь затоптали юности мечты,
Я сам страстями грешными измазан,
И не вернуть, что даровал мне Ты,
Я стал рабом толпы, земной заразы.

Как просто всё – лишь прах и суета,
А мы шумим, по мелочам тревожась...
Дождь в Лондоне. И гниль, и маета,
Душа озябла, тело стынет, ёжась...

ЗА ЧТО?

За предательство,
Но не моё –
Человечества подлость, коварство,
И за боль,
Что доставили мы
Яд подсыпавши вместо лекарства
И Творцу, и Творенью Его.
Вот за что!

Так за что? Так за что?
А за грех,
Что во мне сами вы разбудили,
С ликованьем шакальих утех
Общий пир наш навек осквернили.

Так за что?
Лицемерье Иуд,
Поцелуев елейно-смертельных,
И что с кем съели соли вы пуд,
Без поддержки бросали в беде вы...
И за гниль ваших душ, и за блядство.
Вот за что наказание. Баста.

Не врубилась, за что?
Ё-моё,
За безверие, чёрные души,
Получайте по полной своё,
Бесноватые, воры, кликуши!

Не безгрешен и я.
Так зачем
От меня ждали святости Бога,
И, распяв, пожелали затем,
Чтоб я был благодарен премного.

Нет и нет!
Я – не жалкая тварь,
В этом вы убедитесь, средь чада
Восходя на возмездья алтарь,
И расплатитесь муками ада.

МУЗЫКА НЕ ДЛЯ НАС

И музыка опять звучит убого,
И я один смогу прожить, наверно,
Из сердца не изгонишь образ Бога,
Останешься в беспомощности, скверне.
И вспомнишь ты тогда, финал судьбы кромсая,
Как нам, потерянным, друг друга не хватает...

ПОСЫЛКА

Из Лондона кусочек радуги
Отправлю вам я бандеролью,
И пусть он выскользнет на родине –
Не совладать иначе с болью...

Ещё хочу отправить, братья, вам,
Цветок с горбинкой погибающий,
К сердцам навеки припечатать я
Желаю нежность настоящую...

В придачу – слёзы, соль изгнания,
Незлой настой на муках вышлю я,
Им окропите землю раннюю,
Чтоб тень моя в Тбилиси вышилась...

АВЕ МАРИЯ

И снова в Лондоне весна,
Поют девчушки в сквере,
И жизнью вновь душа полна,
«Аве Мария», верю,
Ты, Богоматерь, нас спасёшь,
И к жизни нас пробудишь,
Из сердца горечь унесёшь,
Жар искусов остудишь.
«Аве Мария!». Лондон. Май.
Кафе. Перифирия.
«Аве Мария!» Силы дай,
Спаси, Аве Мария!

ПУТИ

Брели мы, одинокие, вдвоём,
С отцом моим. Он вдруг остановился,
Сказал: «Дорогой этою идём
Лишь мы с тобой, сынок. Я притомился.

Иди с людскою суетной толпой,
Плыви, плыви за ними по теченью,
Я ж отдохну. Мой крестный путь – иной,
Я догоню тебя. В том нет сомненья».

Лукавил он: «Не бойся ты, иди...»,
Как будто я такой простак наивный.
-В людском потоке нету мне пути,-
Ответил я, - и, знаешь, ломит спину,
И рвутся раны в клетке запертой груди...

УТРАТА ЧЕСТИ

Измены, проклятия, зависть,-
Все офанарели вокруг,
Уже не доверишься другу –
Где в городе истинный друг?
Мужчины остались в деревне,
Ах, как нам обрыдли льстецы,
Обманщики, христородавцы,
Ханжи, ловкачи, подлецы...
Порою орать мне охота,
В отруб погрузиться иль в скит.
Но сам я собой не покончу,
Хоть знаю – Господь мне простит.

ВОПРЕКИ

Хоть я устал, измучился вконец –
Чужому счастьем радуюсь, как прежде,
И так приветлив в небе звёзд венец,
И солнца луч дарует мне надежду...

БЫЛЬЁ БЫЛОГО

И было до нас их – бесщётные тыщи,
Кому теперь дело до прошлых страстей,-
Обманы, романы,- всё – пыль, пепелище,
Мы – в мире сегодняшних новостей.
Ты – в будущем весь, ты задорен и молод,
Иди же, избранник, зовёт тебя Бакс,
Но только позволь на минуточку молот,
Прибить мне табличку на здании «ЗАГС».
Я, в кегли играя, кружился на месте,
Ждал вас на вершине я, на Эвересте,
Взберёмся, взберёмся туда мы всем миром,
А ты нас попотчуй, пожалуйста, сыром.
Как многого ждал от тебя я на воле,
Ах, поле широкое, синее поле,
И клоун-апрель выражается ярко.
Я летом пою, потому что мне жарко.

ЗАМЕРЗАЮЩАЯ ДУША

Завывание ветра, бредовые стоны,
И дождём беспрерывным затушен фонарь,
В клетке тела душа замерзает бессонно,
С января по декабрь, с декабря по январь...

Боль, мольба и мечта, боль, мечта и мольба,-
Эх ты, доля моя, эх, судьбина-судьба...

Соловьи среди роз... Вновь мечты о былом...
Даже Ноев ковчег – поросли вы быльём.

И остался единственный призрачный свет –
Смех сквозь слёзы – расхристанный смех...

Детства воспоминанья являются мне
День за днём – словно богослуженье во сне.

ПОСВЯЩЕНИЕ ДОРОГЕ

Перекрёсток просёлочный. Осень.
Бродит Совесть-старушка с котомкой,
В ней колючие кактусы носит,
Напевая нестройно, негромко.

Вот и улица сельская. Чисто
Подметённая, с запахом гнили,
Там сельчане несут серебристый
Купол торта со сломанным шпилем.

Обжираловки падалью пахнут,
В этом, душу томящем, пейзаже,
Мертвечину жующие ряхи
Хлещут кровь в самодельные чаши.

Птичка крыльями тщетно стрекочет.
Не взлететь – мы сломали ей крылья,
На чинару взнестись она хочет,
Мы чинару давно уж спилили.

И старушку с котомкою скосит
Скоро Смерть – погасит её свечку,
И никто вслед за ней и не спросит –
Где тут церковь – Христово сердечко?

Все цветочки старушки завяли,
В окнах отсвет сияет смертельный,
И спаслась ли та птичка? Едва ли...
Чтобы спеть нам мотив колыбельный...

Кто ж нам совести кактус посеет,
И, колючий, уложит в корзину,
Кто взрастит его в холе, взлелеет,
И дожётся ль цветенья години?

Перекрёсток просёлочный. Осень.
Бродит Совесть-старушка с котомкой,
В ней колючие кактусы носит,
Напевая нестройно, негромко...

ТРИПТИХ ТЕРЕНТИЮ ГРАНЕЛИ

Дух демона в Галактионе,
Во мне же ангел воцарился...

Т. Гранели

Душа обгоревшая просит спасенья,
В сети паутины и сердце – как мушка,
И рад паучище, что кровь из творений
Он высосет скоро, и рифмы иссушит.

Тебя и по имени мало кто помнит,
Как пьянь и бродягу тебя вспоминают,
Да что с ними спорить – с толпою тупою,
Ты – Космос создал – без конца и без краю...

Как прихвостень, Смерть за тобою таскалась,
История не покумилась с тобою,
Но мы тебя помним, и с нами осталась
Поэзия – неугасимой свечою...

Судьбу Пиросмани избрать предпочёл ты...
Никто славословий не пел тебе громких,
Зачем тебе гимны и доски почёта?
Всё скажут потомкам бессмертные строки.

Хор звёздной музыки крестами огранили,
Поэт заплакал у надгробия Теренти.
Отсюда ввысь вознесена душа Гранели,
А в сердце стих его – безрадостен и светел...

Листаю в сумерках страницы,
Творения твои, Теренти,
Не я ль душою воплотился
В таинственных созвучьях этих...

УБИЛИ...

Убили поэта, чей корень взращён
И щедро напоен землёю родною,
Всей Грузии скорбь вековую с собою
Унёс, и к Престолу Всевышнего он,
Колени склонив, возложил, как икону,
Не верил до самых последних минут,
Что здесь, за кустом, вероломные, ждут
Убийцы, служители Красной Короны...,
Что, Сына Отчизны, его предадут.
Успел он лишь молвить: «Пред вами Илья...»,
Лицо застывало с печатью вопроса –
Неужто палач отыскался, нашёлся,
Что руку на Совесть Отчизны подъял...

ЧТО ВАС СТРАШИТ?

Под пули визжанье, под взрывы гранат,
Иду, как ребёнок, с душой нараспашку.
Сопереживать всем на свете подряд –
Вот главный мой минус, вот в жизни промашка.
Руном золотым для коллег-шутников
Стихи мои станут, но что мне за дело,
Скажу всё равно – что в душе накопело,
И пусть пародируют – жалко ли слов?
Не думайте только, что могут сломить
Меня ваша жёлчь, иль насмешки-подножки...
Несчастья врата перед вами открыты
Могу, и проглотит вас время, как крошки.
Вы мыслите – как же он зол, ядовит,
На самом же деле я прост и открыт.
Никто не исполнит пророчеств моих,
Чего ж вы боитесь? Не страшен ведь стих...

ДЛЯ ЧЕГО?

И жизнь кипит, и кровь во мне вскипает,
Смешалось всё, мы наломали дров,
Все обезумели, и время заменяет
Сердец биенье на моторов рёв...

Фиалок нежность, свежий цвет сирени,-
Всё – ерунда. Отныне наш девиз –
Бесперебойный, чёткий механизм.
Картины жизни превратились в тени.

И сердце мы, и душу потеряли,
Светицховели животворный столп,
И Джвари, и долины Цинандали
Нам заменил бездушный остолоп.

Природу разрушают исполины,
А завтра бомбы взрыв всё разнесёт,

Зачем родился Ньютон – бог машины,
Или Эйнштейн, что мир наоборот
Перевернул. Затем ли, чтобы все мы
Живые души заменили схемой?
Нет, не помощник робот, не спаситель,
А жизни, Богом созданной, губитель.

Смотри, как Мтквари помутнела гладь,
Нам скоро будет нечего терять.
Стон жизни лязг железа заглушает,
Земли существованье разрушая...

БЕЛОСНЕЖНЫЙ СТИХ «ГОРАМ»!

Как по вам затоскую по всем я...
Вы уйдёте, меня позабыв,
Что поделаешь!
Чувства
Жернова каждодневного быта
С хрустом перемололи...
Что делать!
Торопимся вечно,
И с этим что делать, ответь?

Златою чашей обнесите круг,
В неё сложите жемчуг и агаты,
Но нет цены любви и слову «друг»,
За них не платят, не взимают платы...

Я вам звоню,
И вы меня проведайте,
Неплохо переброситься хоть шуткой,
И снова, снова, снова
Мы ведь встретимся,
Когда свободная
Нам выпадет минутка...

Златою чашей обнесите круг,
В неё сложите жемчуг и агаты,
Но нет цены любви, и слову «друг»,
За них не платят, не взимают платы...

По кругу чашу – бренно бытиё,
В неё сложите перстни, диадемы,
Всё, что любил я в жизни – всё моё,
Отныне неразлучны на земле мы.

Вы выпьете, вы вспомните, смеясь,
Что был такой братан у вас, «с приветом»,
Когда ж умру, взгрустнётся вам хоть раз,
Мне ваша песня станет монументом.
Златою чашей обнесите круг,
Рубин, агаты в ней – цвета порфиры,
И пусть хохочут недруги. Ведь друг
Поймёт, что был не от сего я мира...

ТАНЕЦ НА ЧУЖБИНЕ

Здесь, в глуши, забытой Богом, зазвучит мотив пандури,
И грузинский танец бурный озарит чужую даль.
Мы забудем эмигрантство, вспомним о родной лазури,
Кипятком ошпарит сердце неизбывная печаль...

Я сегодня пост нарушу, я сегодня вне закона,
Я упьюсь, прости мне, Боже, возвратясь в свой тёмный дом,
Чтоб мечтания потоком унесённый, усладённый,
Потонуть в воспоминаньях о несбыточном, быллом.

НА ДНЕ

В забегаловке лондонской скрылся
Погружённый в мечтанья поэт,
Сам не знает – как здесь очутился,
Кроме Бога – спасения нет.

И всё мнится ему – мальчуганом
Ходит с первым несбритым пушком,
И вступает в борьбу с великаном,
Правду-матку рубя напролом.

Не поймёт, что и голос незвонок,
И мечты зачерствели во лжи,
Что, давно уже не жеребёнок,
Он, коняга, своё отслужил..

P.S. Жива традиция – для праха
Отмерит мне землицы Каха.
На холмик, мама, положи
Ромашки. Как они свежи...

И ЕЩЁ ОДИН НОВЫЙ ГОД

Туман гостит в холодном Лондоне
Опять, который Новый год,
Туман, как старый верноподданный,
Печаль в подарок нам несёт.

И где бы ни пытались скрыться мы,
За нами ходит по пятам
Тот ветер Родины – единственный,
С тобой дары я передам,
И поздравленья, что пропитаны
Слезами чайний, молитв,
Летите письмами открытыми
В края родимые мои.

Мы все вернёмся с вами, радуясь,
Кто наяву, а кто в мечтах,
И будем непременно счастливы,
Спасибо, ветер, вертопрах...

Туман гостит в холодном Лондоне,
Опять, который Новый год,
Туман, как старый верноподданный,
Печаль в подарок нам несёт...

НЕУМОЛИМОСТЬ

Часы свой бег стремят,
И время тает.
И прошлое
Само себя скрывает.

Но всё ещё зияет
В сердце рана...
Меня любовь не греет,
Вот ведь странно.

Тепло мечты горчит...
Года кочевья...
Над странником
Хихикают деревья.

И знают все –
Что так меня тревожит,
И прячется луна,
И солнце тоже...

Зовёт звезда вперёд,
Полна сарказма.
Враждебен свет её,
Хитрит, зараза:

«Ко Господу взнесись,
Покинь геенну!»
И в голосе её –
Соблазн сирены...

И снова боль в груди
Щемит циклично,
И грешная душа
Бубнит цинично...

То с цветниками роз,

То сам с собою
Разносишь сплетни ты,
Бурча и ноя...

И вновь бывшие сны
Со мною рядом...
Уносит ветер тайн
И грёз отраду...

Часы свой бег стремят,
И время тает,
И прошлое
Само себя скрывает.

Тепло мечты горчит...
Года кочевья...
Над странником
Хихикают деревья...

ПРОДАННЫЙ МИР

Мир полон обмана,
Здесь всё продаётся,
Измазана грязью планета...

И строят свои
Пирамиды наветов
Писака, политик –
Спасения нету.

Так ложь их красна,
Что и слов не найду –
Роскошнее перьев хвоста какаду.

Что нам предлагают?
Пожрать и напиться,
И спариться с самкой,
И остервениться.

И кто о благом
Вспоминает хоть походя?
Свою навязала
Коррупция проповедь...

Найдётся ли где-нибудь
Божья церквушка,
Где бес не возьмёт тебя
Снова на мушку?

Гнильцою пропахла
Честь, совесть и правда.
Побрызгалось зло
Дезодором душистым,
Всё существование
Наше расхристано.
Тьфу, жизнь, на тебя,
Ты сто лет не нужна...
За пультом оркестра
Стоит Сатана.

МЫ ВЕРНЁМСЯ

Минор...
Скорбя, выносят гроб.
Мажор...
Мне незнаком покойник.

Но вот
Хоронят побратима.
Ему тбилисская земля
Объятия раскроет снова.
Пока же провожает бедолагу
В молчанье эмигрантская толпа.

Как условились,
Все мы вернёмся –
Кто наяву,
А кто во сне.

Вернёмся мы,
Мальчишки-шалопаи,
И привезём с собой
Всю тяжесть муки
С холодной,
Неприветливой чужбины,
В родном Тбилиси,
По благословенью
Господнему,
Мы обретём покой.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЦ О СЫНЕ.....	3
ЗЕМНОЕ НЕБО	8
М У С О Р (киносценарий).....	12

Авторские стихи

ГОСПОДИ, ПОМИЛУЙ.....	21
ДАЙ БОГ	22
ТРЕЗВОЕ ПИВО	22
КАК БОЛЬНО, ГОСПОДИ!	23
О МНОГОМ.....	24
ЖИЗНЬ САМА РЕШИТ	25
МАЧЕХА – ЖИЗНЬ.....	25
НЕОСТЫВШЕЕ ТЕПЛО	26
КЛЕЙМО ЛЮБВИ	28
ЗАБАВА ДЛЯ ДРУГИХ	29
ПОЖЕЛАНИЕ	29
ФАРС.....	30
ОБЕЩАНИЕ СЕБЕ	31
ПРЕДВЕСТНИК СМЕРТИ	31
ЖИЗНЬ – СУЕТА.....	32
ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ	33
ПЬЕДЕСТАЛ	34

Переводы неизвестного переводчика

*** Се – крет.....	35
***Гербовой бумаги... ..	35
ПОД ЗНАКОМ ЛЬВА И ВЕСОВ	36
Г.	37
***Настала ледяная ночь.....	38
***Жизнь, словно череп свой... ..	39
***Человечья толчея клубится... ..	40
***Той глубины... ..	41
***Снежные равнины... ..	42

*Переводы
Владимира Саришвили*

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН	43
Я СКОРО... ..	44
ПРОЗОЙ	44
ТВОЕ ВРЕМЯ	45
ДОРОГА В АД	45
ИСКУС	46
Я ПРИДУ	47
СОН	48
ЗА ЧТО	49
ИЗГНАННИК	50
ХАНДРА	51
ХРАНИ ВАС БОГ!	52
НОРА	53
ИЛЛЮЗИЯ	54
БЕЗЫСХОДНОСТЬ	55
ПЯТЬ ГАДАЛОК	56
ПРОЩАНИЕ	57
Я	57
НАБЛЮДЕНИЕ	57
ПОСЛЕДНИЙ ТАНЕЦ	58
УТЕШЕНИЕ	59
НА КРУГИ СВОЯ	60
СТРАХ	62
ЗЫБКИЕ ГРЕЗЫ	63
ЦЕНА ЖИЗНИ	64
НА ГРАНИ	65
ЗИГЗАГИ БРАЧНОЙ КАРЬЕРЫ	66
МОЁ ЗАВЕЩАНИЕ	67
МОЛЬБА	68
ПРИЗЫВ	69
МОЛИТВА УСТАВШЕГО	70
ЛОНДОНСКИЙ ТУМАН	71
ПРИЗЫВАНИЕ СМЕРТИ	72

ЦВЕТЫ В ГОРШОЧКАХ НАДО МНОЙ СМЕЮТСЯ	73
ВЕСТНИЦА	74
ПРОЩАНИЕ С НАДЕЖДОЙ	75
ГОЛУБИ МИРА	76
НАСТАНЕТ ЧАС	76
УТРАЧЕННЫЕ НАДЕЖДЫ	76
ВПЕРЁД, НА ЗАПАД!	77
КОГДА ТВОЙ ВЗОР ПРЕДСТАНЕТ ПРЕДО МНОЮ	78
В ЧУЖОМ КРАЮ	79
С ВОЛКАМИ ЖИТЬ – ПО-ВОЛЧЬИ ВЫТЬ	79
ПРОСТИ, МЕЧТА!	80
КРУГОВАЯ ЧАША	81
ОСТОЧЕРТЕЛО	82
РАВНОДУШНЫМ	82
МОЛЬБА	83
ЗЕМЛЯ ВОЗЬМЁТ СВОЁ	84
СТАРИК И СТРАННИК	85
ОБЕРЕГ ГЕОРГИЯ СВЯТОГОРЦА	86
МОЛЬБА СВЯТОМУ ГЕОРГИЮ ИВЕРСКОМУ	87
НЕ ОСТАВИ МЕНЯ, ГОСПОДИ!	88
НЕ ОБЕССУДЬТЕ	88
ЛЖЕЦАМ	89
ПИЛАТАМ	89
МЕЧТЕ	89
К ЧЕМУ СТРЕМИЛИСЬ, ОБРЕТЁТЕ ВЫ	90
ЗАВИСТНИКАМ	90
ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА	90
ФАРИСЕЯМ	92
ШАЛВЕ БИБИЛЕИШВИЛИ	93
ЗАВИСТЬ	94
НЕСБЫТОЧНОЕ	95
ПОСЛЕДНЯЯ ЛЕГЕНДА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	96
ОДА ЧИСТЫМ ПРОДУКТАМ	97
МОНОЛОГ РАЗОРЁННОГО	97
НАДГРОБИЕ №13	98
ОРЁЛ ИЛИ СТРАУС	99

ЗЛАТОЮ ЧАШЕЙ ОБНЕСИТЕ КРУГ!	100
ГДЕ ИСТИНЫ Я ТОЛЬКО НИ ИСКАЛ	102
КОЛОКОЛА ОТЧИЗНЫ	103
МОИМ МЕЧТАМ	104
ДЕРЕВЬЯ ГАЙД-ПАРК	105
СУМАСШЕДШИЙ СТАРИК	105
ПОДАРКИ ВЕТРА	105
ПОКАЯНИЕ.....	106
ТВОЙ СВЕТЛЫЙ ЛИК	106
МОЛЬБА	106
МОЛИТВА НАДЕЖДЫ	107
ЭЛЕГИЯ	107
ФИАЛКИ ГАЙД-ПАРКА	108
ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ	109
SOS	109
СТУЧАЩЕМУ ОТВОРИ.	110
МОЙ ГОРОД	111
ПРЕДЧУВСТВИЕ СМЕРТИ	112
УЗНИК	112
ГОВОРИТ СМЕРТЬ.....	113
НЕТЛЕННОЕ	114
ПАРАДОКС	114
ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ	115
ЗАВИСТНИК	116
ИСПОВЕДАЛЬНОЕ.....	117
ЛЮБОВЬ И ИЗМЕНА	117
РАЗЛУКА	118
«MEMORIES OF CHINA».....	119
ПОДАРОК.....	121
КОЛЕСО СУДЬБЫ.....	122
РАЗЛИЧИЕ	123
САНИТАРЫ	123
НА МОТИВ ЕККЛЕСИАСТА	124
ЗА ЧТО?	124
МУЗЫКА НЕ ДЛЯ НАС	126
ПОСЫЛКА.....	126
АВЕ МАРИЯ.....	127
ПУТИ.....	127
УТРАТА ЧЕСТИ.....	128

ВОПРЕКИ	128
БЫЛЬЁ БЫЛОГО	129
ЗАМЕРЗАЮЩАЯ ДУША	129
ПОСВЯЩЕНИЕ ДОРОГЕ	130
ТРИПТИХ ТЕРЕНТИЮ ГРАНЕЛИ	131
***Хор звёздной музыки.....	132
***Листаю в сумерках страницы... ..	132
УБИЛИ.....	132
ЧТО ВАС СТРАШИТ?	133
ДЛЯ ЧЕГО?.....	133
БЕЛОСНЕЖНЫЙ СТИХ «ГОРАМ»!	134
ТАНЕЦ НА ЧУЖБИНЕ.....	136
НА ДНЕ	137
И ЕЩЁ ОДИН НОВЫЙ ГОД.....	138
НЕУМОЛИМОСТЬ.....	139
ПРОДАННЫЙ МИР	141
МЫ ВЕРНЁМСЯ.....	142

Издательство “УНИВЕРСАЛ”

Тбилиси, 0179, пр. И. Чавчавадзе №19, ☎: 22 36 09, 8(99) 17 22 30
E-mail: universal@internet.ge